

концептосфера
и содержательный
коммуникатор и коммуникант
структурный
литературная конструкция
словоформа
стиль
актуализация
стиль и актуализация
трансформация
концептосфера
структурный
картина мира
иностранный
стиль

стиль
коммуникация
код
стилистика
русский язык
и содержательный
коммуникатор и коммуникант
структурный
литературное произведение
литературная конструкция
словоформа
стилистика
актуализация
трансформация
концептосфера
картина мира
иностранный

стилистика
коммуникатор и коммуникант
структурный
иностранный
стиль

стилистика
коммуникатор и коммуникант
структурный
иностранный
стиль

стилистика
коммуникатор и коммуникант
структурный
иностранный
стиль

стилистика
коммуникатор и коммуникант
структурный
иностранный
стиль

стилистика
коммуникатор и коммуникант
структурный
иностранный
стиль

стилистика
коммуникатор и коммуникант
структурный
иностранный
стиль

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LV
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 2
Olomouc 2016

Hlavní redaktor – Editor-in-Chief – Главный редактор: prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Výkonný redaktor – Editor – Редактор-исполнитель:
Mgr. Jindřiška Kapitánová, Ph.D., doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

Redakční rada – Editorial Board – Редакционный совет:

prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc. (Olomouc)
prof. dr. Ulrike Jekutsch (Greifswald)
prof. PhDr. Mária Kusá, CSc. (Bratislava)
проф. Валерий Михайлович Мокиенко, д.ф.н. (Санкт Петербург)
prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc. (Olomouc)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno)
prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra)
prof. PhDr. Zdeňka Trösterová, CSc. (Ústí nad Labem)
doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. (Olomouc)
проф. Алла Владимировна Злочевская, д.ф.н. (Москва)

Redakční kolegium - Editorial Advisory Board - Редакционная коллегия:

prof. Alla Arkhanhelska, CSc. (Olomouc)	Mgr. Jindřiška Kapitánová, Ph.D. (Olomouc)
doc. PhDr. Jiří Gazda, CSc. (Brno)	д-р Екатерина Солнцева-Накова (София)
PhDr. Jan Gregor, Ph.D. (České Budějovice)	prof. Ludmila Stěpanova, CSc. (Olomouc)
prof. UŚ dr hab. Andrzej Charciarek (Katowice)	PhDr. Marta Vágnerová, Ph.D. (České Budějovice)
doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D. (Olomouc)	

Adresa redakce – Contact Address – Адрес редакции:

Rossica Olomucensia, Katedra slavistiky, Filozofická fakulta UP, Křížkovského 10, CZ-771 80 Olomouc
jindriska.kapitanova@upol.cz, jitka.komendova@upol.cz

Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii navazuje na ročenku *Rossica Olomucensia* vydávanou v letech 1968-2007. Od r. 2008 jsou pod hlavičkou *Rossica Olomucensia* vydávány dvě řady: 1) **Časopis pro ruskou a slovanskou filologii** (dvakrát ročně) s uvedením ročníku a čísla (např. Vol. XLVII a Num. 1, 2) a 2) **Sborník příspěvků z mezinárodní konference Olomoucké dny rusistů** s uvedením ročníku. Obě řady jsou rozlišeny podtitulem. V r. 2009 byla *Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii* zařazena na Seznam recenzovaných neimpaktovaných periodik vydávaných v České republice. Elektronická verze časopisu je umístěna na stránce: http://www.rusistika.upol.cz/veda_a_vyzkum/rossica_olomucensia.html

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci
Křížkovského 8, 771 47
www.upol.cz/vup

Odpovědný redaktor: Mgr. Jana Kreiselová

Technická redakce: doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

Návrh obálky: Ivana Perůtková

Vychází dvakrát ročně (červen a prosinec)

Náklad: 45 výtisků

ISSN 0139-9268 (print)

ISSN 1804-1434 (online)

Reg. č. MK ČR E 18418

Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře, udělené roku 2016 Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR v rámci Institucionálního rozvojového plánu, Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci.

Adresa, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP

Biskupské náměstí 1

771 11 Olomouc

e-mail: prodejna.vup@upol.cz

e-shop: <http://www.e-vup.upol.cz/>

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LV
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 2
Olomouc 2016

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

Витторио Спрингфильд Томеллери: Некоторые заметки о терминологии переводных сочинений: Славянская передача термина «catholicus» в новгородских переводах с латыни	5
МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА ЛАВРЕНЧЕНКО: Ономастические данные о двух семействах тысяцких в Великом Новгороде XIII – XIV вв.....	43
ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ: Драматический эпизод «Елена» в контексте творчества Александра Кондратьева.....	63

RECENZE – REVIEWS – РЕЦЕНЗИИ

Iwona Burešová-Wania, Ivana Dobrotová, Pavel Bureš: Česko-polský a polsko-český slovník terminologie Evropské unie (Magdalena Kafara).....	77
Наталья Борисовна Корина: Функциональная стилистика русского языка (Jindřiška Kapitánová)	80
Daniela Mügllová: Komunikace, tlumočení, překlad aneb Proč spadla Babylonská věž? (Jaroslava Janečková).....	83

ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

Ivana Dobrotová: VI. Světový kongres polonistů s názvem Polonistika na prahu XX. století. Diagnózy. Koncepty. Perspektivy.....	87
Radana Merzová: VIII. Sympozium ukrajinistů.....	89
Lukáš F. Peluněk: Mezinárodní vědecká konference „Tradice českých/československých bádání o dějinách a kultuře východní Evropy“.....	90

ВИТТОРИО СПРИНГФИЛЬД ТОМЕЛЛЕРИ

Италия, Мачерата

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ТЕРМИНОЛОГИИ
ПЕРЕВОДНЫХ СОЧИНЕНИЙ:
СЛАВЯНСКАЯ ПЕРЕДАЧА ТЕРМИНА «САТХОЛИ-
CUS» В НОВГОРОДСКИХ ПЕРЕВОДАХ С ЛАТЫНИ**

ABSTRACT:

Some observations on the terminology of translated works: Slavonic equivalents for the term “catholicus” in translations from Latin performed in Novgorod the Great

Every translation entails the difficult task of rendering some clue words or special terms, thus making them comprehensible or simply digestible to the readers. This was without any doubt the case, for example, of the Latin adjective “*catholic-us, -a, -um*”, as shown by its Slavonic equivalents in some translations from (Medieval) Latin into Church Slavonic, produced between the end of the 15th and the first half of the 16th centuries. The Slavonic counterparts of the then culturally and confessionally marked term *catholic-us, -a, -um* feature some intriguing oscillation between the “Greek” loanword кафоликии, the neutral form съборьными and the semantically more marked choice православьными.

While the first and second terms more or less retain the information contained in the source text and can therefore be considered as a case of partial foreignization, the third one clearly tries to adapt the text to the particular cultural context in which it had to be read and copied.

This means that the former Russian reader, who usually did not have at his/her disposal the Latin original, to a certain extent could misunderstand the meaning of a given text passage. The same holds true for the modern scholar, who runs danger to be deceived by the comparison with the source text, being tempted to wrongly read and interpret the translated form according to the meaning of the source lexeme.

In the appendix all the occurrences of the Latin word *catholicus* in the *Expositio Psalmorum* by Bruno of Würzburg as well as their Slavonic translation are provided, along with the bilingual Latin-Church Slavonic interlinear edition of the so-called *Symbolum Athanasii* according to a manuscript of the Chudov Monastery (№ 53/29), now kept in the State Historical Museum (GIM), Moscow.

KEY WORDS:

Novgorod translations – Latin – Church Slavonic – terminology – Bruno's commented Psalter – Athanasius Creed – *catholicus* – кадѡликии – съборьньи – православьньи.

1. Введение¹

Чрезвычайная важность выявления прямого источника при исследовании переводного сочинения подчеркивалась неоднократно [см., например, Огрен 1991]. Иноязычный подлинник обычно считается необходимым (но не обязательно достаточным) условием для правильного понимания церковнославянского текста:

(1.1.) «... к раннему древнерусскому (точнее, славяно-русскому) памятнику можно подступать, только вооружившись греческим параллельным текстом. Язык наших первых (переводных) памятников ориентирован на греческий. Он своеобразно отразил в себе лексические и грамматические модели языка-оригинала. Славяно-русский текст как бы находится в дополнительном распределении со своим греческим оригиналом. Славянская лексема, будучи выбрана в качестве переводного эквивалента, тем самым брала на себя смысловые связи греческого слова. За ней предполагалось именно то значение, которое было задано греческим контекстом» [Щёголева 2001: 369].

В этом отношении Б. А. Успенский определяет церковнославянский язык как равноправный греческому по своей функции и эквивалентный ему по своему строю:

(1.2.) «Подобно тому, как церковнославянская образованность предполагает знание византийской истории, византийской культуры и т.п., так и искусное владение церковнославянским языком предполагает, вообще говоря, знание греческого языка – отсюда целый ряд

¹ Настоящая статья представляет собой существенно расширенную и дополненную версию доклада, прочитанного в апреле 2005-го года на 6-й конференции по палеославистике (6. Tagung für Alt-Slavistik, Münster). Ее основные положения легли в основу совместной статьи (Подтергерра, Томеллери 2009), тогда как имеющийся там материал до сих пор оставался неопубликованным. За очень ценные замечания и дополнения как содержательного, так и библиографического характера автор особо благодарен Наталье Александровне Зяблицкой (Москва).

церковнославянских текстов вообще невозможно понять без знания греческого подлинника» [Успенский 2002: 54].

Когда речь идет о переводной литературе, которая в Древней Руси, как известно, имела первостепенное значение [Соболевский 1903: v], важно прежде всего различать два момента, т.е. момент возникновения переводного текста и момент его восприятия и развития во времени и пространстве; сюда входят, естественно, процесс переписывания, чтения, цитирования и использования при создании новой редакции или совсем других текстов и т.д. В таком случае, вопрос о понимании определенного термина оправдан по отношению как к самому переводчику, так и к переписчикам и правщикам.

При изучении терминологических вопросов исследователи древнерусской переводной литературы обычно обращают особое внимание на точное определение оригинала; когда последний стал известным и доступным, они, сравнивая перевод с его моделью, изучают язык и содержание переводного текста; это объясняется тем, что перевод, несмотря на его качества или недостатки, довольно часто неудобопонятен современному читателю по разным историческим и культурным причинам. Нельзя при этом забывать, что перед тем же самым обстоятельством, по-видимому, находились и древнерусские книжники, переводящие или переписывающие древние тексты.

Таким образом, в филологических работах применяется подход так называемый “*ad fontem*”, при котором перевод интерпретируется на основе его источника, т.е. в случае изучения терминологических вопросов, либо переводному слову придается значение переводимого, либо переводное слово обсуждается как необычная или даже ошибочная передача переводимого; в соответствии с этим эвристическим методом составляются двухсторонние словари-индексы и создаются необходимые предпосылки для сравнительного изучения текстов и издательской работы над ними.

Такая работа, вне всякого сомнения, необходима для реконструкции возникновения текста и правильной интерпретации использованной в нем терминологии. Однако, разумно задуматься над тем, отражает ли она действительный ход распространения текста на новой почве. На этот насущный вопрос мы и постараемся здесь кратко ответить.

Если исследователь-филолог имеет право следить за работой переводчика, нельзя забывать то немаловажное обстоятельство, что древнерусские книжники, не говоря уже о переписчиках, не всегда имели в своем распоряжении оригинал, и, может быть, даже не нуждались в нем, так как они воспринимали переводной текст просто как текст.

Поскольку граница между оригинальной и переводной литературой была для них несущественной или даже несуществующей, они пользовались текстами, пренебрегая проблемой их происхождения [см., например: Tomelleri 1998: 158–159 и Томеллери 2011: 217–218]. Следовательно, нужно выделить два основных вопроса:

- 1) Во-первых, как понималась и передавалась переводчиком терминология переводимого текста?
- 2) Во-вторых, как понималась и использовалась читателями и переписчиками терминология переводного текста?

Естественно, что во втором случае, в отличие от первого, вопрос об оригинале и о трудностях в передаче определенных терминов или конструкций больше не ставится. При таких условиях не исключено, что из-за ошибки или недоразумения терминология получит совсем другую интерпретацию по сравнению с вложенной ее первоначальным создателем или пользователем.

Настоящая статья представляет собой опыт изучения и интерпретации терминологических вопросов в переводных сочинениях, созданных в «кружке» новгородского архиепископа Геннадия Гонзова;² поскольку тема в таком определении является слишком обширной и нечеткой, я ограничусь общими положениями и сделаю предварительные выводы на примере одного лишь термина – латинского прилагательного “*catholic-us, -a, -um*” и его славянских соответствий (кафоликии, съборьныи, православьныи)³ в некоторых сочинениях литературы новгородского периода.⁴

Явно, что здесь речь идет о сопоставлении «перевод-передача текста», которая в итальянском языке выражается показательной игрой слов “*traduzione-tradizione*” (в немецком языке “*Übersetzung-Überlieferung*”).

² Лихорадочная деятельность новгородских книжников описывается в работах [Wimmer 2005, Tomelleri 2006b и Боднарчук 2014: 96–130]; употребление термина «кружок» освещается в статье [Боднарчук 2013].

³ Об истории этих терминов и их взаимоотношении в старославянской традиции см. [Подтергера, Томеллери 2009] и там приведенную литературу.

⁴ Здесь используется периодизация древнерусской переводной литературы, предложенная в работе [Буланин 1995]. Из-за отсутствия там термина *catholicus* не принимается во внимание недавно изданный древнерусский перевод восьмой книги литургического трактата Вильгельма Дурандуса *Rationale divinarum officiorum* – Совещание божественных дел [Романова, Ромодановская 2012]. То же самое относится к древнерусскому переводу позднеантичного варианта пособия по латинской грамматике *Ars Minor* Элия Доната [Ягич 1896/1968: 528–585; Tomelleri 2002; Петрова 2011] и средневекового школьного трактата по латинскому синтаксису *Regulae congruitatum, regimina et constructiones* [Ягич 1896/1968: 594–614; Tomelleri 1999].

Определение значения имени прилагательного *catholic-us*, *-a*, *-um*, восходящего к греческой форме καθολικός, дается в сжатой форме в древнерусском переводе *Symbolum Athanasianum*, о котором пойдет речь ниже (§ 4.):

(1.3.) *Catholica graecus sermo est, latine interpretatur generalis sive universalis; generalis, pertinet ad omnes homines; universalis, quia per universum orbem est diffusa* [Denzinger 1880: 561].

кадоликѣа ѣсть грѣческоѣ слово. ѣже протокоуѣтса соборнаѣ или вселенскаѣ. съборнаѣ пристоити ко всемъз ѣлкѣ. вселенскаѣ же. зане по всеи вселеннбѣ распрострааниса [Л. 775об].⁵

2. Слово кратко

Начнем с полемического трактата в защиту церковных имуществ, известного под названием *Слово кратко* [Лурье 1965, 1988; Giraud 1976].⁶ В нем, как известно, собрано большое количество примеров некорректного поведения царской власти по отношению к власти церковной, а также примеров божьей кары, обусловленной этим поведением. Цель трактата – доказать с помощью примеров взятых из Ветхого и Нового Заветов, что «...всякий человек, какого бы он звания и положения ни был, обязан повиноваться заповедям Божиим под страхом неминуемой казни временной или вечной» [Григорьев 1902: VI].

Текст *Слова кратко* создан в Новгороде в конце XV – начале XVI века, скорее всего по поручению новгородского архиепископа Геннадия, и содержит много латинских черт в грамматическом и лексическом планах; он отражает ожесточенную борьбу Геннадия против по-

⁵ Здесь и в дальнейшем все цитаты из Толковой Псалтири Брунона приводятся, с указанием на лист, по списку середины XVI-го века, теперь хранящемуся в Санкт-Петербурге: Российская Национальная Библиотека, собр. Соловецкого монастыря фонд 717 № 1148 (1039). Эта рукопись, подробно описанная в старом каталоге рукописей Соловецкой библиотеки [Порфирьев и др. 1881: 146-153], в 1552 г. была пожертвована священником московского Благовещенского собора Сильвестром в Соловецкий монастырь, как явствует из собственноручной записи на л. 170б [Розов 1966: 193]. Латинский подлинник, в свое время изданный в известной серии *Patrologia latina* [Denzinger 1880], сверен с инкунабулой Антона Кобергера 1494 г. (<https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/XFN73H76REJFSAD5XB5H5PQGF2IGCD6F>).

⁶ Не исключено, что любопытное название трактата лексически связано с глоссой, имеющейся в Геннадиевской Библии. Там, в предисловии к Книге Товии, дается следующее определение «латинского» термина *catalogus*: *Hic cathalog(us) gi. a catha q(uo)d est breue et logos q(uo)d est sermo. d(icitu)r breuis sermo multa breuiter comp(re)hende(n)s* – сѣи катѣалогѣ катѣалогы, ѿ катѣа что ѣ кратко. и логосъ иже ѣ слово речетса кратко слово. многа кратко прѣмлюци [Платонова 1997: 86]; см. также [Wimmer 1975: 450 и Ромодановская 2001а: 144, с некоторыми отклонениями].

литики секуляризации великого князя московского. В *Слове кратком* явно отражается атмосфера ожесточенной борьбы между Новгородом и Москвой; там весьма ощутимо развитие централизованного государства. Латинский характер текста уже давно подчеркивался:⁷

(2.1.) «...автор не всегда довольствовался существовавшими церковно-славянскими словами, но заменял их латинскими словами, придавал им особые значения и иногда, быть может, придумывал их сам» [Григорьев 1902: XXIII].

Сразу поднимается вопрос о том, как читать текст и, прежде всего, как его читали и понимали современники и их потомки. Что касается имен прилагательных *православный* и *сборный*, *Слово кратко* дает пеструю терминологическую картину, не носящую системного характера; следует при этом отметить, что латинский оригинал *Слова кратка*, если он действительно существовал, пока не найден, так что считать выше упомянутые прилагательные формами соответствиями латинскому *catholic-us*, *-a*, *-um* возможно только предположительно на основе других новгородских переводов.

Не вдаваясь в подробности, приведу только несколько показательных примеров. В посвящении, предшествующем самому *Слову кратку*, заказчик описывается, между прочим, как *правосла́венъ ра́бъ хѣъ* [Попов 1902: 1], по *всемоу и въ всеѣ цркви стѣи съборнои потребенъ* [Попов 1902: 2].

В самом начале текста опять употребляются, на небольшом расстоянии, оба прилагательных: там упоминаются, с одной стороны, *вещи сѣнныѣ, пѣвижныѣ, и непѣвижныѣ съборныѣ цркви* [Попов 1902: 3] и, с другой, *заповеди правосла́вны црѣи (τῶν ὀρθοδόξων βασιλείων). и великѣи кнзѣи* [там же].

Подобная терминологическая вариативность обнаруживается и в других местах текста, как, например, при употреблении термина 'царь' для обозначения западных королей; создается впечатление, что автор намеренно подчеркивал близость православной и католической церквей в вопросе о церковных имениях и отождествлял мирскую власть на Западе и на Востоке. Возможна и другая политическая интерпретация: общее название всех властителей восходит к римскому происхождению всемирной власти [Giraud 1976: 62]. Есть основания считать, что такие сложные вопросы могут получить убедительный ответ только при всестороннем изучении текстов и их историко-культурных контекстов.

⁷ Кроме того, *Слово кратко* замечательно тем, что в нем, по словам А. В. Горского и К. И. Невоструева, «встречаются по местам юридические термины Римского законодательства» [Горский, Невоструев 1892: 615].

3. Антииудейские трактаты Николая де Лиры и Самуила

То же самое «смешение» терминов засвидетельствовано в трактате францисканца Николая де Лиры против евреев, переведенном Дм. Герасимовым с латыни в мастерской новгородского архиепископа Геннадия [Федорова 1999]. Целью перевода было не столько обвинение евреев в ложном учении, сколько вооружение православной церкви в борьбе против еретических движений; новгородский кружок Геннадия больше интересовался полемической аргументацией, нежели содержательной стороной текста [см. Wimmer 2005: 50–51]. В начале и конце трактата прилагательное “*catholic-us, -a, -um*” передается как «православный»:

(3.1.) *quaestiones iudaicam perfidiam in catholica fide improbantes.*

стязания Юдѣискоє безвѣрие, в православнѣи вѣрѣ похѣляюще
[Федорова 1999: 40 и 41].

(3.2.) *et ideo a fide catholica pro talibus avertuntur et plures iam baptizati ad vomitum revertuntur.*

и сего ради ѿ вѣры православныя за таковая ѿвращаются, и мнози иже крѣчени,
к блѣвотинѣ возвращаются
[Федорова 1999: 146 и 147].

Здесь, может быть, произошла культурно-религиозная адаптация текста, функциональное переосмысление католического сочинения на православной почве, так что говорить об ошибке не приходится: в обоих случаях имеется в виду просто христианская вера, поэтому решение передать латинское прилагательное *catholic-us, -a, -um* славянским термином православныи можно считать по крайней мере понятным, если не целесообразным.

Подобный случай обнаруживается в русском переводе *Троянской истории* Гвидо де Колумнис, в котором, впрочем, латинский пассаж переведен в очень сжатом виде:

(3.3.) *Sed ille fabularis Sulmonensis Ovidius sic de Medea, Oetis regis filia, de ipsa fabulose commentans, tradidit esse credendum (quod absit a catholicis Cristi fidelibus credi debere nisi quatenus ab Ouidio fabulose narratur)* [Griffin 1936: 16].

Но онъ баснословъ сулмоненский Овидий сице о Медин, и Оета царя дщери, лживо написуя, предасть быти вѣримо, се же да не буди православнымъ!
[Творогов 1984: 240].

В другом же разделе полемического трактата Николая де Лиры переводчик выбрал термин свѣрьныи:

(3.4.) *sunt autentica apud eos multo magis quam apud nos dicta Hiero(nymi) et Augu(stini) et aliorum doctorum catholicorum.*

сѣтъ маѣтерьска прѣ ними множае паче неже прѣ нами рѣченія иеронимова и авгѣстинова и инѣ ѣчителѣи соворнѣи

[Федорова 1999: 44 и 45].

Если предположение о том, что явно западный контекст повлиял на лексический выбор переводчика, кажется совершенно оправданным и убедительным, в ниже приведенном пассаже богослов Беда Достопочтенный, развивавший свою деятельность до разделения церквей (как, впрочем, и предшествовавшие ему Иероним и Августин), называется просто «православным»:

(3.5.) и в сѣ вси православнои и евреи згласѣютъ, но различѣютъ в тоѣ занѣ нещѣи православнои яко Бѣда. и инѣи глѣютъ – *et in hoc omnes catholici et Hebraei conveniunt, sed differunt in hoc, quia aliqui catholici, ut Beda et alii dicunt* [Федорова 1999: 108 и 109].

По поводу передачи латинского термина *catholic-us, -a, -um* в трактате Николая де Лиры, Федорова отмечает, что на Руси после разделения церквей римо-католиков никак нельзя было обозначать словом зворныи; переводчик как будто «избегает “неправославной терминологии” (так, как она им понимается)» [Федорова 1999/2: 94]. Поскольку Дм. Герасимов не знал греческого языка,⁸ исследовательница склонна считать подобные факты подтверждением принадлежности перевода трактата Николая де Лиры перу Дм. Герасимова.

В полемическом сочинении Самуила Марокканского⁹ латинский термин передается дважды как православыни (3.7. и 3.8.) и один раз, в заглавии, как хриѣтианьскѣи (3.6.):

(3.6.) Заглавие, имеющееся только в рукописи Сербской Академии Наук и Искусств (SANU) № 26 (317).

Rationes breves magni rabi Samuelis iudaei nati, sed de iudaismo ad fidem catholicam conversi.

Съвѣщанїа кратка великаго оучѣгла Самуила юудеанина родѣ, но ѿ юудейства къ вѣрѣ хрѣѣстѣи" обращаюса [л. 131].

⁸ Федорова опирается на свидетельство самого Дм. Герасимова о том, что работа над Толковой Псалтирью с Максимом Греком проходила в два этапа: сначала Максим переведил с греческого на латынь, затем Дм. Герасимов и Влас с латыни на церковнославянский [Напеев 1973: 46; Ковтун 1975: 8, прим. 2; Сеницына 2014: 352].

⁹ Приведенные внизу примеры из трактата Самуила любезно сообщила мне Наталья Александровна Зяблицына, посвятившая несколько работ изучению этого переводного памятника [см., напр.: Зяблицына 2012а, 2012б и 2013]. Подробно о рукописной традиции см. [Зяблицына 2016: 84-85].

(3.7.) *Ex his praemissis omnibus apparet istum Iudaeum, scilicet Samuelem fuisse vere in fide catholicum.*

У сихъ прѣреченъ всѣхъ явитъ сего юдеанина · сирѣ самѡла бывша воистину ѣ върѣ православно [список E, л. 278].

(3.8.) *Sed Iudaei, videntes quod per tot evidentia exempla et testimonia prophetarum ipsorum errores convincerentur, istum librum tanto tempore (ut dictum est) occultauerunt, ne per catholicos fideles ipsorum errores possent argui per illa quae contenta sunt in hoc libello.*

Но юдеи видѣвшѣ, еже явленными образы и свидѣтельства прѣречеными тѣхъ заблуждения повѣдаться · сїю книгу толико время тако речено есть скрыша · не да православно вѣрующїи ихъ заблуждения могутъ обличити тѣми, яже съдержима суть в сей книжѣ [E, л. 279 об.].

4. Толковая Псалтирь Брунона

В Толковой Псалтири Брунона Вюрцбургского (*Expositio psalmsorum*), переведенной Дм. Герасимовым по поручению Новгородского архиепископа Макария [Tomelleri 2004, 2006a, 2008], явно преобладает термин *соборьныи*. Однако до 14-го псалма включительно встречаются четыре примера употребления имени прилагательного *православынии*, тогда как с 17-го псалма по 131-й выступает исключительно термин *соборьныи* (см. ниже Приложение I). Очень любопытным при этом является тот факт, что форма *православынии* иногда исправляется, или просто сопровождается на полях глоссой *соборьныи*; в другом месте форме *соборьныи* как будто предпочитается *кафоликїи*. Такие маргинальные заметки, встречающиеся, правда, не во всех списках, возможно принадлежат самому переводчику; как бы то ни было, они не лишены значения.

Наряду с Толковой Псалтирью Дм. Герасимов перевел еще ряд очень интересных текстов, в том числе два символа веры, *Symbolum apostolorum* и *Symbolum Athanasianum* соответственно:

(4.1.) *Symbolum apostolorum*

Исповѣданїе православыныхъ вѣры. еже предаша апѡли по частемъ. глетъ же са по гречески. и по латыньски. символъмъ, иже есть собранїе мнѡгѡ слѡвемъ, въ соборѣ [л. 766 об.]

(4.2.) *Symbolum Athanasianum*

Исповѣданїе православыныхъ вѣры. стго аѡдана́сїа. архїе́ппа. александрийскаго.

Они засвидетельствованы во всех печатных изданиях латинского подлинника толковой Псалтири Брунона.

Как и в тексте Псалтири с толкованиями, в обоих символах веры подавляющее большинство примеров содержит форму *сзборьныи*; два раза имеется форма *православьныи*, тогда как «грецизм» *кафоликиа* встречается в контексте, в котором имя прилагательное *catholic-us, -a, -um* описывается как *universalis* (*сзборьныи*).

Из-за недостатка места остановлюсь здесь только на втором из них. Что происходит на уровне перевода интересующего нас термина? Он переводится то как *сзборьныи*, то как *православьныи* (с глоссой *сзборьныи* на поле):

(4.3.) Symbolum Athanasii, 1-й стих

Quicumque vult salvus esse, ante omnia opus est ut teneat catholicam fidem [Denzinger 1880: 561].

Иже кто хощеть спъти. прѣже всего потреба (на поле дѣло) естъ. да содръжитъ прѣвославьнѣю (на поле соборнѣю) вѣрѣ [л. 775].

(4.4.) Symbolum Athanasii, толкование к 1-му стиху

Catholica universalis dicitur, id est recta, quam universa Ecclesia tenere debet. Ecclesia vero congregatio Christianorum sive conventus populorum dicitur [Denzinger 1880: 561].

Кафоликиа же. *сзборьнаа* глѣтса сирѣчь праваа. юже вселѣнскѣа цркви съдѣржати имать. церковь оубо *сзбираниѣ* хртїаномъ. или сходище людемъ глѣтца [775 об.].

(4.5.) Symbolum Athanasii, 3-й стих

Fides autem catholica haec est [Denzinger 1880: 562].

Вѣра же *сзборнаа* сѣа естъ [л. 776 об.].

(4.6.) Symbolum Athanasii, 18-й стих

Ita tres Deos aut Dominos dicere catholica religione prohibemur [Denzinger 1880: 564].

Тако трѣ боговъ. или гдѣи глѣти. *соборьнымъ* дхovenствѣ възбранаемса [л. 779 об.].

В последнем стихе символа термин *catholic-us, -a, -um* выступает два раза в сочетании с именем существительным *fides* (*вѣра*), причем в церковнославянском переводе обнаруживается вариативность (*сзборьныи* – *православьныи*):

(4.7.) Symbolum Athanasii, 41-й стих

Haec est fides catholica, sicut superius diximus, ista est fides catholica [Denzinger 1880: 568].

Сѣа естъ вѣра *сзборьнаа*. ꙗко вѣше рѣхомъ. сѣа естъ вѣра *прѣвославьнаа* [л. 784 об.].

Возможное объяснение этого распределения кроется в богослужбной практике: на основе подобной формулировки, употреблявшейся в Чинопоследовании торжества православия (Сѣа вѣра апостольскѣа, сѣа вѣра

отеческая, сина въра православная...), переводчик, наверное, захотел приблизить свой перевод конечного места исповедания веры к известному ему тексту.

Оба символа веры представляют собой, по сути дела, теологически значимые тексты,¹⁰ в которых естественно ожидать со стороны переводчика особое внимание к передаче этого и других «ключевых слов». Об этом явно свидетельствует то обстоятельство, что выражение *filioque* и подобные намеки на происхождение Святого Духа остаются непереуведенными; интересно при этом отметить, что глоссы на полях каким-то образом «исправляют» переводческую неточность (или вольность), указывая на западное учение о происхождении святого духа, соответствующее переводимому тексту символа:

(4.8.) Symbolum Athanasii, 21-й стих

Spiritus sanctus a Patre et Filio, non factus nec creatus nec genitus sed procedens [Denzinger 1880: 565].

Дѣхъ сѣиѣ ѿ оца. не сотворенъ. ни создѣнъ. ни роженъ. но исходѣць [л. 780].

(4.9.) Symbolum Athanasii, толкование к 21-му стиху

Proprium habet Spiritus sanctus, quia non est Pater et Filius, sed Spiritus procedens a Patre et Filio. Audis quia iste ab ambobus, Filius ab uno, Pater a nullo, ac per hoc aperte monstrantur proprietates eorum [Denzinger 1880: 565].

Усвоено имать дѣхъ сѣиѣ, иже не ѿць есть ни сѣнъ. но дѣхъ исходѣць ѿ оца¹¹ сѣнъ ѿ единого. ѿць ни ѿ кого. и по семъ ѿ части [pro a parte] показуются свойства и [л. 780].

(4.10.) Symbolum Athanasii, 22-й стих

unus Spiritus sanctus, quia a Patre et Filio unicus procedit [Denzinger 1880: 565].

единый дѣхъ сѣиѣ, иже ѿ оца единый происходить¹² [л. 780об].

¹⁰Для полноты картины было бы интересно включить в дискуссию о *filioque* и «Прение Афанасия Александрийского с Арием», засвидетельствованное в рукописях XVII-го века [ср. Плюханова 2013: 30-32, Вершинин, Матасова 2015: 120-121 и там приведенную литературу].

¹¹На поле латыни глѣють ѿ оца и сѣнъ.

¹²На поле латыни глѣють иже ѿ оца и сѣнъ доухъ происходи.

5. Другая версия Исповедания веры Афанасия Александрийского

Другой церковнославянский перевод того же самого текста, но без толкований, читается в латинской Псалтири, хранящейся в Чудовском собрании Московского государственного исторического музея под № 53 (29).¹³ Здесь латинский подлинник передан в кириллической транскрипции с надстрочным церковнославянским переводом, лексически и грамматически отличающимся от предыдущего исповедания веры с толкованиями (см. ниже в Приложении II интерлинейное издание текста). В этом случае латинскому имени прилагательному *catholic-us*, *-a*, *-um* соответствует исключительно славянская форма съворьныи:

(5.1.) Symbolum Athanasii, 1-й стих

Quicumque vult salvus esse ante omnia opus est ut teneat catholicam fidem.

Иже кто хощеть спъиъ быти: прѣ всего дѣло ёсть да въздержитъ съворьнѣю вѣроу [Л. 191]

(5.2.) Symbolum Athanasii, 2-й стих

Fides autem catholica haec est.

Вѣра же съворьнаѣ сѣа ёсть [Л. 191].

(5.3.) Symbolum Athanasii, 18-й стих

Ita tres Deos aut Dominos dicere catholica religione prohibemur.

Тако трѣ бгѡвъ или господен глѣти. съворьнѣ чинъ ѡмвѣдѣмъса [Л. 192].

(5.4.) Symbolum Athanasii, 41-й стих

Haec est fides catholica, quam nisi quisque fideliter firmiterque crediderit, salvus esse non poterit.

Сѣа ёсть вѣра съворьнаѣ: котораа аще никто вѣрнѣше крѣплѣнѣше вѣрѣтъ: спасенъ быти не можетъ : [Л. 193 об.].

6. Выводы

Приведенные лексические дубликаты показывают нам, каким сложным путем идет терминологическая интерпретация древнерусских памятников. Таким образом, только совместная работа специалистов по истории, богословию и истории религии, вместе с филологическо-лингвистическим подходом, учитывающим все аспекты возникновения, распространения и влияния текстов, обеспечит правильное понимание не только взаимос-

¹³ Сведения об этой рукописи конца XV-го века, которую упоминал уже Снегирев [1842–1845: 145], дают исследования В. А. Ромодановской [Ромодановская 2001б, 2004, 2008].

взаей между западным и восточноевропейским миром, но и функционирования переводных текстов на православной почве.

Позволю себе закончить свое изложение прекрасной и исключительно подходящей цитатой, которую я случайно нашел в старой записной книжке без указания на автора, до недавнего времени остававшегося мне неизвестным:¹⁴

Es gilt sich zu schützen vor der Meinung, die einzelnen theologischen Fachausdrücke besäßen in jedem Dokument genau den gleichen Sinn. Die Bedeutungsbreite eines und desselben Wortes variiert in den verschiedenen Zeiten oft beträchtlich [Denzinger 2014: 12].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БОДНАРЧУК, Е. В. (2013): Новгородский «кружок» книжников конца XV столетия: терминология и подходы к исследованию. *Казанский педагогический журнал* 6 (101), стр. 149–156, <http://cyberleninka.ru/article/n/novgorodskiy-kruzhok-knizhnikov-kontsa-xv-stoletiya-terminologiya-i-podhody-k-issledovaniyu> (11.05.2016).
- БОДНАРЧУК, Е. В. (2014): *Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи Московской Руси с Западной Европой в последней четверти XV – первой трети XVI в.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, <https://disser.spbu.ru/disser2/disser/Bodnarchuk.pdf> (11.05.2016).
- БУЛАНИН, Д. М. (1995): Древняя Русь. In: Ю. Д. Левин (отв. ред.): *История русской переводной художественной литературы (Древняя Русь. XVIII век)*, I: Проза. Санкт-Петербург: Буланин, стр. 17–73.
- ВЕРШИНИН, К. В., МАТАСОВА, Т. А. (2015): К вопросу о переводных текстах греко-латинской традиции в Московской Руси: памятники древней и новой книжности в сборниках Егор. № 843 и Больш. № 16 из коллекции НИОР РГБ. In: *Русь, Россия: Средневековье и Новое время, выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова (Материалы к международной научной конференции, Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г.)*. Москва: Московский государственный университет, стр. 118–123, <http://www.hist.msu.ru/Departments/RusHis19/milov/4/sbornik2015.pdf> (25.05.2016).
- ГОРСКИЙ, А. В., НЕВОСТРУЕВ, К. И. (1862): *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отдел второй: Писания святых отцев, 3. Разные богословские сочинения (Прибавление)*. Москва: В Синодальной типографии, http://byzantinorossica.org.ru/opendjvu.html?sources+paleoslavistics+Catalogues+Opisanie_2_3.djvu (17.06.2016) [Репринт Wiesbaden 1964].
- ЗЯБЛИЦЫНА Н. А. (2012a): История изучения церковнославянского перевода трактата «Учителя Самуила обличение». *Пространство и время*, 2

¹⁴Только благодаря интернету я смог идентифицировать источник записанных в моей тетради слов.

- (12), 2012, стр. 54–61, <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-tserkovnoslavyanskogo-perevoda-traktata-uchitelya-samuila-oblichenie> (10.05.2016).
- ЗЯБЛИЦЫНА, Н. А. (2012б): Перевод на церковнославянский язык латинских синтаксических конструкций в трактате «Учителя Самуила слово обличительное» (1504). *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*, серия III: Филология, 2 (28), 2012, стр. 45–56, <http://pstgu.ru/download/1349357109.45-56.pdf> (10.05.2016).
- ЗЯБЛИЦЫНА, Н. А. (2013): *Языковые особенности церковнославянского перевода трактата «Учителя Самуила обличение» (1504)*, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, <http://mggu-sh.ru/sites/default/files/zyablitsinana.pdf> (10.05.2016).
- ЗЯБЛИЦЫНА, Н. А. (2016): Переводческие ошибки в трактатах «Учителя Самуила обличение» и «Доказательство пришествия Христа». In: V. S. Tomelleri, I. V. Verner (eds.), *Latinitas in the Slavonic world. Nine case studies (Specimina philologiae slavicae 192)*. München et al., стр. 83–111.
- КОВТУН, Л. С. (1975): *Лексикография в Московской Руси XVI-начала XVII в.* Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- ЛУРЬЕ, Я. С. (1965): «Собрание на лихоимцев» – неизданный памятник русской публицистики конца XV в. *Труды отдела древнерусской литературы* 21 (Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы), 1965, стр. 132–146, http://lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/21_tom/Lurje/Lurje%20-%200132.pdf (24.03.2016).
- ЛУРЬЕ, Я. С. (1988): Вениамин. In: Д. С. Лихачев (отв. ред.): *Словарь книжников и книжности Древней Руси, выпуск 2 (вторая половина XIV–XVI в.), часть 1: А–К*. Ленинград: Наука, стр. 133–135, <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3766> (17.06.2016).
- МАКАРИЙ (ВЕРЕТЕННИКОВ) Архимандрит (2006): Герасимов. In: *Православная энциклопедия* (электронная версия), т. 11 (Георгий-Гомар). Москва: Церковно-научный Центр «Православная Энциклопедия», стр. 171–173, <http://www.pravenc.ru/text/164623.html> (11.05.2016).
- ОГРЕН, И. (1991): *К проблеме использования печатных изданий греческих текстов при исследовании древних славянских переводов: на примере славянского перевода Паренесиса Ефрема Сирина* (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia 31). Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- ПЕТРОВА, М. С. (2011): Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке на примере Дмитрия Герасимова и других. *Диалог со временем* 34, 2011, стр. 311–364, <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/03/01/1251428381/18.pdf> (10.05.2016).
- ПЛАТОНОВА, И. В. (1997): *Перевод в риторическом типе культуры: переводческая техника в Геннадиевской Библии 1499 г.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
- ПЛЮХАНОВА, М. Б. (2013): Роль греко-итальянских униатов в становлении религиозных и политических идей на Руси конца XV – начала XVI

- в. In: И. В. Поткина (отв. ред.): «Друг – зеркало для друга...». *Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв.* Москва, Российская Академия Наук, Институт российской истории, стр. 19–45, http://ebookiran.ru/userfiles/file/Konf_Drug_2013.pdf (25.05.2016).
- ПОДТЕРГЕРА, И. А., ТОМЕЛЛЕРИ, В. С. (2009): Catholicus – СЪБОРНЫЙ – Католический – Православный (из истории термина). Часть 1. *Русский язык в научном освещении*, 1 (17), 2009, стр. 44–108, <http://www.ruslang.ru/doc/gjano17.pdf> (24.03.2016).
- ПОПОВ, А. Н. (1902): Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. XXI: «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ с предисловием А. Д. Григорьева. *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 1902, выпуск 2, стр. 1–60, <http://books.e-heritage.ru/book/10074146> (17.06.2016).
- ПОРФИРЬЕВ, И. Я., ВАДКОВСКИЙ, А. В., КРАШНОСЕЛЬЦЕВ, Н. Ф. (1881): *Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии*, часть 1. Казань: Типография Императорского Университета.
- РОЗОВ, Н. Н. (1966): Библиотека Сильвестра (XVI век). In: Л. П. Жуковская, Н. И. Тарабасова (отв. ред.): *Исследования источников по истории русского языка и письменности*. Москва: Наука, стр. 191–205, <http://www.ruslang.ru/doc/lingistoch/1966/13-rozov.pdf> (25.03.2016).
- РОМАНОВА, А. А., РОМОДАНОВСКАЯ, В. А. (2012): «*Rationale divinatorum officiorum*» Wilgelmi Durandi в русском переводе конца XV века. Москва – Санкт-Петербург: Индрик.
- РОМОДАНОВСКАЯ, В. А. (2001а): Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской библии (1499 г.). *Труды отдела древнерусской литературы* 52, 2001, стр. 138–167, <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=fa8Af1Cqwko%3D&tabid=2298> (30.03.2016).
- РОМОДАНОВСКАЯ, В. А. (2001б): Кириллическая латинская Псалтирь XV века из Новгорода. In: *200 лет первому изданию Слова о полку Игореве. Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России, 27–29 августа 2000 года (Ярославль-Рыбинск)*. Ярославль: Александр Рутман, стр. 166–171.
- РОМОДАНОВСКАЯ, В. А. (2004): К характеристике интерлинейрной части Чудовской латинской Псалтири. *Труды отдела древнерусской литературы*, 55, 2004, стр. 379–386, <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=85m8GvnPnvc%3d&tabid=2301> (30.03.2016).
- РОМОДАНОВСКАЯ, В. А. (2008): Чудовская латинская Псалтирь XV века на фоне европейской традиции (материалы к исследованию). In: D. Christians, D. Stern, V. S. Tomelleri (Hrsg.), *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* (Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe 3). München-Berlin: Sagner, S. 72–81.
- СИНИЦЫНА, Н. В. (2014, отв. ред.): *Преподобный Максим Грек. Сочинения*, том 2. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- СНЕГИРЕВ, И. (1842–1845): *Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и пла-*

- нов древней столицы. Москва: В типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии.
- СОБОЛЕВСКИЙ, А. И. (1903): *Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы*. Санкт–Петербург: Типография Императорской Академии Наук [Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук 74, 1; reprint Leipzig: Zentralantiquariat der DDR, 1989].
- ТВОРОГОВ, О. В. (1984): Из «Троянской истории». In: *Памятники литературы Древней Руси. Конец XV-первая половина XVI века*. Москва: Художественная литература, стр. 222–267 и 689–693.
- ТОМЕЛЛЕРИ, В. С. (2011): Латинская традиция у восточных славян (некоторые заметки). In: Г. И. Шевченко (отв. ред.): *Актуальные проблемы филологии: античная культура и славянский мир. Сборник научных статей*. Минск: Республиканский Институт Высшей Школы, стр. 214–221.
- ФЕДОРОВА, Е. С. (1999): *Трактат Николая де Луры “Probatio adventus Christi” и его церковнославянский перевод конца XV века*, в 2 книгах. Москва: Промисветитель.
- ЩЁГОЛЕВА, Л. И. (2001): *Путьмина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1–10 мая*. Москва: Территория.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А. (2002): *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, издание 3–е, исправленное и дополненное. Москва: Аспект пресс.
- ЯГИЧ, И. В. (1896/1968): *Codex slovenicus rerum grammaticarum*, edidit V. Jagić – *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке*, собрал и объяснил И. В. Ягич (Slavische Propyläen. Texte in Neu- und Nachdrucken 25). München: Fink [Nachdruck des Separatdrucks Berlin 1896; первоначально опубликовано в «Исследованиях по русскому языку», том 1. Санкт-Петербург, 1885–1895].
- DENZINGER, H. (1880): *Sancti Brunonis Herbipolensis episcopi expositio psalmodium* (Patrologia latina 142). Parisii: Apud Garnier fratres, s. 49–568, <https://play.google.com/books/reader?id=kMEUAAAAQAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=de&pg=GBS.PA2-IA2> (30.03.2016).
- DENZINGER, H. (2014): *Enchiridion symbolorum definitionum et declarationum de rebus fidei et morum*, quod emendavit, in linguam germanicam transtulit et adiuvante Helmuto Hoping edidit Petrus Hünermann, Editio 44. Freiburg et al.: Herder.
- GIRAUDO, G. (1876): *Slovo kratko*, presentazione, traduzione e commento di G. Giraud. Brescia: Paideia [= Annali della Facoltà di Lingue e Letterature Straniere di Ca' Foscari, 15, fasc. 4].
- GRIFFIN, N. E. (1936, ed.): *Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae* (The Mediaeval Academy of America, Publication no. 26). Cambridge, Massachusetts: The Mediaeval Academy of America, http://c.ymcdn.com/sites/www.mediaevalacademy.org/resource/resmgr/maa_books_online/griffin_0026_bkmrkdpdf.pdf (24.03.2016).
- HANEY, J. V. (1973): *From Italy to Muscovy. The life and works of Maxim the Greek* (Humanistische Bibliothek, Reihe I: Abhandlungen, 19). München: Fink.
- ТОМЕЛЛЕРИ, В. С. (1998): Zur Geschichte des “Westlichen Einflusses” in Rußland:

die Dicta Sancti Augustini. In: Fr. Esvan (ed.): *Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli Slavisti (Cracovia 27 Agosto-2 Settembre 1998)*. Napoli: s. n., s. 147–181.

TOMELLERI, V. S. (1999): *Die правила грамматичные. Der erste syntaktische Traktat in Rußland*, herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von V. S. Tomelleri (Specimina Philologiae Slavicae 123). München: Sagner, http://digi20.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb00051961_00001.html (21.12.2015).

TOMELLERI, V. S. (2002): *Der russische Donat. Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik*, herausgegeben von V. S. Tomelleri (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B: Editionen, 18). Köln-Weimar-Wien: Böhlau.

TOMELLERI, V. S. (2004): *Il Salterio commentato di Brunone di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione e tradizione (Con un'appendice di testi)* (Slavistische Beiträge 430). München: Sagner, http://digi20.digitale-sammlungen.de/en/fs1/object/display/bsb00055996_00001.html?prox=true&phone=true&context=tomelleri&ngram=true&hl=scan&fulltext=tomelleri&mode=simple (21.12.2015).

TOMELLERI, V. S. (2006a): Die 'Expositio Psalmorum' des Würzburger Bischofs in Rußland. Zwischen Übersetzung und Überlieferung. *Die Welt der Slaven* 51, 2006a, S. 291–302.

TOMELLERI, V. S. (2006b): Traduzioni dal latino nella Slavia ortodossa. In: M. Capaldo (ed.): *Lo spazio letterario del Medioevo. 3: Le culture circostanti*, volume III: Le culture slave. Roma: Salerno, s. 499–520.

TOMELLERI, V. S. (2008): Kritisch-historische Ausgabe der *Tolkovaja Psaltir' Brunona* (1535). *Studi Slavistici* 5, 2008, s. 31–48, <http://www.fupress.net/index.php/ss/article/view/2690> (26.03.2016).

WIMMER, E. (1975): Zu den katholischen Quellen der Gennadij-Bibel. In: *Forschung und Lehre. Abschiedsschrift zu Joh. Schröpfers Emeritierung und Festgruß zu seinem 65. Geburtstag*. Hamburg: Slavisches Seminar, S. 444–458.

WIMMER E. (2005): *Novgorod – ein Tor zum Westen? Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500)*, herausgegeben von J. Henning (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa 13). Hamburg: Kovač.

Приложение 1 – Латинское имя прилагательное *catholic-us, -a, -um* и его древнерусские соответствия в Толковой Псалтири Брунона (*Expositio psalms Brunonis episcopi Herbipolensis*), переведенной Дм. Герасимовым.

Цифры в круглых скобках при латинском тексте обозначают столбец в издании Денцингера 1880; при славянском же переводе они указывают на лист рукописи Соловецкого собрания нр. 1148 (1039). В ниже приведенном перечне всех мест, в которых выступает имя прилагательное *catholic-us, -a, -um*, толкования приводятся обычным шрифтом, курсивом выделяется основной текст псалтырного стиха.

Ps. III, 7 – православьныи

Percussit Dominus Pater adversantes Filio, id est haereticos, qui insequuntur catholicas regulas sine causa, id est sine ratione [55]

Поразить ꙗко ѡцъ противляюща сѣбѣ, ꙗко еретики. кои послѣдуютъ православныи правиломъ все, сирѣчь бесловеснѣ [л. 25]

Ps. IX, 23 – православьныи

Superbit impius. Cum facta suae malignae voluntatis superbus expleverit, tunc magis incenditur pauper catholicus ad studium virtutis, quia, dum viderit peccatorem nimis exaltatum, facile novit casurum, sed isti impii comprehenduntur debitis poenis puniendi [72]

Разгорѣдѣтся нечестивый ѣгда дѣла своего лѣкаваго ѡзволениѣ [sic!] гордѣливый исполни. тогда паче разгарѣтся нищии. || православныи кѣ начинанію добродѣтели. ꙗко ѣгда оузри грѣшника село превозвышена, оудобѣ познаѣтъ пастица томѣ. но ти нечестивии оубазаютъ [sic!] длъжными мѣрами моучими [л. 50об–51]

Ps. X, argumentum – православьныи

De haereticis Propheta dicit, qui nituntur catholicos in suam convertere pravitatem

О еретицѣхъ прѣкъ глѣтъ. ꙗко покоушаютъ православныи на свое превратити лоукавство [л. 56об]

Ps. XIV, 1 – православьныи

Tabernaculum dictum ex duobus nominibus, id est a taberna (quae est domus pauperum, quia non adhuc tegulis, sed tantum trabibus tegebatur) et coenaculo (quia ibi coenabant, sicut antiquis mos erat semel in die cibum sumere) significat catholicam fidem, in qua habitat sancta dei Ecclesia [84]

Жилище естъ наречѣно ѡ двои именъ. сирѣчь, ѡ крѣчѣ||мницы ѡже естъ домъ оубогыхъ. зане еще не черепицею но точїю длъсками покрывашеса. ꙗко ѡ горници, зане тамъ вечерю

творѣхъ ꙗкоже древнимъ обычаи бѣ единою въ днь брашно приимати. назнаменуѣтъ православною (вѣрѣ)¹⁵ в нейже обитаѣтъ сѣаа бжїа цркви [л. 68 об.–69]

Ps. XVII, 22 – съборьныи

In Ecclesia igitur catholica hunc esse morem fidelium nullus ignorat [94]
въ цркви оубо съборной сего быти обычѣа. вѣрныи никто же да не невѣсть [л. 85 об.]

Ps. XXI, Argumentum – съборьныи

In hoc psalmo Christus de passione sua ad Patrem loquitur admonetque fideles laudare Dominum, quia in resurrectione sua catholicam respexit ecclesiam [106–107]

в сѣ псалмѣ, хс ѡ страсти своєи кз оцѣ глѣтъ ѡ възпоминаѣтъ вѣрныи хвалити га ѡже въ воскресенїи своємъ съборною призрѣ цѣркѣ [л. 103 об.–104]

Ps. XXI, 21 – съборьныи

Unicam dicit animam suam, quae non habet peccatum, vel Ecclesiam catholicam. Ut intelligatur doctrinas novas et conciliabula perditorum respuisse [110]

Оуѣдиненю глѣтъ дшѣ своѣ ꙗже не имѣ грѣха. ѡ церковь съборнѣю. Да раздѣлѣтса, оученїа новаа ѡ съборица погившии ѡмѣтати [л. 109]

Ps. XXI, 27 – съборьныи

Apud te significat de te, laus mea in Ecclesia, scilicet catholica, magna enim et amplitudine dicitur et honore [111]

Оу тебе, || назнаменуѣтъ. ѡ тебе похвала моа въ цркви сирѣчь съборнѣи. велиа бо ѡ широтою глѣтса ѡ честїю [110–110 об.]

Ps. XXII, 4 – съборьныи – православьныи

Dicit catholicus: si ambulavero inter haereticos (qui recte umbrae mortis dicuntur) non timebo eorum pravas suasiones, quoniam tu me, Domine, defendis [113]

Глѣтъ съборьныи (на поле православныи) аще пойдѣу промежъ ѣретиковъ, ѡже правѣ с[т]ѣни [сз] смрзти глѣтса. не оубоюса ѡхъ лоукавыи съвѣтованїи. ꙗко ты ма гѣи захищѣши [л. 113 об.]

Ps. XXVIII, Argumentum – съборьныи

Consummatio tabernaculi perfectionem significat Ecclesiae catholicae, quae per totum orbem probatur esse constructa [128]

¹⁵Прибавлено по другим спискам.

ко́нчина сѣни, съврѣшеніе назнаменѣеть цр̄кви сѣборныѣ. іаже по всеи вселеннѣи іавлаѣтса съставлена [л. 134 об.]

Ps. XXX, 4 – сѣборьныи

Enutritum se dicit, quousque ad perfectionem catholica Ecclesia ipsius munere perveniret [133]

въспитана сѣвѣ глѣть, донелѣже къ съврѣшенію сѣборнаа цр̄квь, єго дарованіемъ доиде [л. 141 об.]

Ps. XXXIV, 5 – сѣборьныи

Qui cogitant sive de Judaeis, sive de haeticis, sive de paganis dixit, mala enim omnes cogitant, qui praeter catholicam fidem aliqua prava intentione docere festinant [148]

іже мыслѣтъ; іли ѿ іудеѣхъ, іли ѿ єретицѣхъ, іли ѿ поганыхъ рече. зладѣ бо вси помышляють, іже кромѣ сѣборьныа вѣры. нѣкоимъ лоукавыи оумышленіе оучити ꙗчатса [162 об.]

Ps. XLVII, Argumentum – сѣборьныи

Secunda vero eius Ecclesia catholica est [194]

втораа оубо єго цр̄квь сѣборнаа єсть [л. 233]

Ps. XLVII, 2 – сѣборьныи

Latera aquilonis populi gentium, facta est civitas regis, hoc est Ecclesia catholica, quam de universo mundo constat esse collectam [194]

ребра сѣверова людѣ іазыктѣи. бы градъ цр̄а, іже єсть цр̄квь сѣборнаа. іже ѿ всего мира състойтса быти сѣбраноу [л. 233 об.]

Ps. XLVII, 7 – сѣборьныи

In civitate Dei, id est in Ecclesia catholica [195]

въ градѣ бжїи, іже єсть въ цр̄кви сѣборьнѣи [л. 234 об.]

Ps. XLVII, 8 – сѣборьныи

Misericordia, quae Christus est, non ab omnibus suscipitur, sed ab his catholicis qui eius praecepta sunt secuti [195]

млѣть іже єсть хс. не ѿ всѣхъ прїемлетъ. но ѿ тѣхъ сѣборьныхъ, іже єго повелѣніе сѣть послѣдовали [л. 234 об.]

Ps. XLVII, 10 – съборьными

Per montem Sion Ecclesiam significat catholicam [195]

Гороудъ сивннѣ црѣкви на знаменуѣтъ съборноуѣ [Л. 235]

Ps. XLIX, 11 – съборьными

Iumenta in montibus simplices in catholica Ecclesia, qui in cacumine fidei habitare noscuntur [202]

скоти в' горахъ [и волове]. просты в соборнѣ црѣкви. иже на връсъ вѣры ѡбитати познаваѣтса [Л. 246]

Ps. L, 19 – съборьными

Supplicat itaque propheta, ut quoniam synagoga peccavit sub lege posita, succedens Sion per gratiam Christi, hoc est catholica firmetur Ecclesia [208]

Молѣ оубо пррѣкъ. да ꙗко сънмице съгрѣши. по законумъ сѣци. послѣдоуѣ сивннъ бл҃годатію хѣою. ꙗже естъ съборнаа оутвердѣтса црѣковь [Л. 255]

Ps. LVIII, 15 – съборьными

Et scient Iudaei, cum fuerint perfecta religione instituti, Christum esse Dominum Iacob patriarchae, quod primitus non credebant, et Dominum esse finium terrae, id est catholicae Ecclesiae toto orbe diffusae, quod modo durato corde non sapient [228]

И оубѣдаты иѣдѣи егда воудутъ въ свершеномъ дх҃овенствѣ соуци. х҃а быти ꙗ инѣковла патриархова. егоже перевѣ не вѣровахѣ, и ꙗ быти коицѣмъ земли. сирѣчь съборнѣ црѣкви по всеи вселеннѣи разлѣанѣи. еже нѣ въ ѡжесточенымъ ср҃дцѣмъ не || внемлютъ [pro capient?] [286 об.–287]

Ps. LIX, 6 – съборьными

Convallem tabernaculorum metiebatur, id est de Iudaica collectione habet non minimam portionem in fide catholica. Convallis dicta, quasi cavata vallis [231]

Оудоль селеніемъ размѣраше. иже естъ ѿ иѣдѣискаго събраніа имать не мало оучастіе в' вѣрѣ соборнѣ. оудоль наречѣса, ꙗки тцѣла низина земли [290 об.]

Ps. LXIV, 12 – съборьными

Corona anni, totus hic mundus per quem catholica hic dilatatur Ecclesia, accipitur cui benedicit Dominus [243]

Вѣнецъ лѣтоу, весь сей миръ, имже съборнаа здѣ распространѣтса црѣковь пріемлетса. юже бл҃гословлѣтъ ꙗ [Л. 309 об.]

Ps. LXVII, 28 – сзборьныи – православьныи

In ecclesiis benedicite Deum, non in perversis conventiculis paganorum vel haereticorum, sed in Ecclesia catholica, ubi recta fides est et vera confessio [254]

вз црквахъ блвите бга. а не вз спротивныхъ сходищехъ поганьскй или еретичьскй. но вз цркви сзборнѣи (на поле православнѣи) идѣже прѣвадѣ вѣра естъ. и истинноѣ исповѣданіе [327]

Ps. LXVII, 30 – сзборьныи

Juda confessio dicitur, Zabulon habitaculum fortitudinis, Nephtali dilatio mea, quae catholicae Ecclesiae competenter aptabis, si diligenter inspicias [255]

иуда исповѣданіе глѣтса. заоулонъ, жилище крѣпости. неѣталимъ продлзженіе моѣ. іаже сзборнѣи цркви сходнѣ оуподобиши. аще прилѣжне расмотршиши [л. 327 об.]

Ps. LXXII, 26 – сзборьныи

Fornicari est a Deo, quando adulterinis cogitationibus ab eius casto amore deviamus; et quidquid contra catholicam fidem creditur, pollutis sensibus fornicator [277]

лювидѣствовати естъ ѿ бга. егда любодѣйными помышленьми ѿ его чѣга любовь сзвращаѣмса. и елико противоу сворныа вѣры вѣроуѣтса. оскверненными <оумы>¹⁶ любодѣствоуѣтса [л. 361]

Ps. LXXII, 28 – сзборьныи

Sion speculatio interpretatur. Istius ergo contemplationis filiam catholicam constat esse Ecclesiam, ubi revera laudes Domini reddit qui pura mente crediderit [278]

Сионъ зрѣніе протѣкоуѣтса. сего збо зрѣніа дщерь. сзборноую подоваѣтъ быти црквь. идѣже вз истинноу хвалы гна въздѣтъ. иже чисты разумнѣ вѣроуѣтъ [л. 361]

Ps. LXXXVI, 1 – сзборьныи

Tabernacula Jacob Ecclesiam catholicam significant, quae semper hic affligitur [322]

селеніа иаковла. црквь сворнѣю назнаменуѣт. іа всегда здѣ злоблѣтса [л. 418]

¹⁶ В рукописи оѣты, исправлено по другим спискам.

Ps. XCII, 5 – съборьныи

A vocibus aquarum gentes significat, quae ad catholicam fidem Deum laudando convenient [344]

Ѡ гласовъ водъ. ѡзъики назнаменѡтъ. ѡже к' соборнѡи вѣрѣ. ба хвалаци прїидѡтъ [л. 448 об.]

Ps. XCII, 6 – съборьныи

Elationes maris sapientes populos in Ecclesia catholica significant, quorum mirabiles elationes tunc fiunt, quando in mandatis Dei firma mente consistunt [344]

Возвышенїа мора. мѡрѡи людеи въ цркви соборнѡи назнаменѡѡ. ѡже возвышенїа тогда вываѡтъ. егда в заповѡдѡ бжїи крѣпкимъ оумѡ стоѡтъ [л. 448 об.]

Ps. XCV, 1 – съборьныи

Omnis terra catholicam significat Ecclesiam, quae per cunctum orbem noscitur esse diffusa [350]

Вса землѡ соборнѡи назнаменѡтъ црковѡ. ѡже по всей вселенней познавѡтса быти распространена [л. 458]

Ps. XCV, 8 – съборьныи

Tunc revera Christus adoratur, quando in atria Ecclesiae catholicae pervenitur [351]

Тогда истинно хс покланѡемъ етъ. егда во двори цркви соборнѡи прїидеть [л. 460]

Ps. XCVI, 8 – съборьныи

Audivit Sion, id est Ecclesia catholica puro corde iudicia Domini percepit et ideo laetata est [354]

Слыша сїонъ, ѡже е цркви (так!) соборнаѡ, чистымъ срѡемъ соубы гнѡ прїѡтъ. ѡ того ради възвеселїса [л. 463 об.]

Ps. C, 5 – съборьныи

Declinantem a me, id est haeticum, qui pravis doctrinis a catholica fide dissentit, non cognoscebam: cum se etiam baptizatum asserat, non tamen in eo agnoscitur divina dilectio, qui blasphemus probatur a Domino [361]

Оукла||наѡцѡгосѡ Ѡ менѡ, сирѣчь еретика. ѡже локавыми оученїи Ѡ соборнѡи вѣры разлїчествѡтъ; Не познавѡ. зане себе тако же крещена оукрѣплѡше (sic! pro *assererat*). не оубо же в немъ познавѡтса. бжественѡе възлюбленїе. ѡже ѡхѡленъ искѡшѡтса Ѡ гѡ [473–473 об.]

Ps. C, 6 – съборьными

Detrahit haereticus secreto, quando absentem catholicum aliqua oblocutione dilacerat, nec audet palam contendere, qui se novit irrationabilia vindicare [361]

Ќклеветаётъ ёретикъ тайно. ёгда несѣца соборнаго. нѣкоимъ огланіемъ растережётъ. а не смѣа ѡвно стазѣтиса. ѡже вѣсть себѣ безъсловеснаа мзстити [л. 473 об.]

Ps. CI, 24 – съборьными

Ideo dicit venire populos in unum, ut virtus catholicae unitatis ostendatur [366]

Сего рѣа глѣть. снѣтиса людей всѣпъ. да сила съборнаго съѣдиненіа покажетса [л. 481]

Ps. CIV, 29 – съборьными

In raris poetarum carmina designantur, qui a catholica regula discrepantes corda terrenorum regum fabulis replent deceptionum [380]

Жабамы мѣдрецкаа писаніа назнаменѣютса. ѡже ѡ съборнаго прѣвила разликѣюще. срѣца земленыя црѣи баснославныя исплзняютъ прелѣстными [л. 503]

Ps. CVI, 36 – съборьными

Civitas habitationis Ecclesia catholica est, in qua firmiter se constituunt qui supernis iussionibus oboedient [396]

Грѣа ѡбитаніа. црковъ соборнаа ёсть. в нейже крѣпкѡ себѣ поставлаётъ (sic!). ѡже горныя повелѣніемъ пшвинѣютса [л. 526]

Ps. CVI, 41 – съборьными

Redit ad humiles catholicos [397]

Приходитъ къ смиренныя соборнымъ [л. 527 об.]

Ps. CXVII, 25 – съборьными

Benediximus vobis de domo Domini, id est Ecclesia catholica, unde salutare baptisma venit, et sancta communicatio procedit [427]

влѣихѡ вѣсѣ ѡ домѣ гна. сирѣчь цркъвъ соборнаа. ѡнюдоу же спсительное крѣщеніе приде. ѡ стѡе причѣстіе прѡисходитъ [л. 573]

Ps. CXVIII, 85 – съборьными

Quorum doctrina inanibus fabulis est comparata, quia a lege Dei omnino discrepat, et a catholica veritate discedit [443]

Ихъже оучительство сѣтнымъ глаоумленіемъ ёсть сподоблено. ѡже ѡ закона бжїа весма. различьствѣётъ, ѡ ѡ соборныа истинны ѡходитъ [л. 597]

Ps. CXVIII, 112–113, Argumentum – съборьными

Catholicum examen iniquos odio sibi fuisse dicit, legem vero Domini se dilexisse: petitque ille sanctus populus ut, ab eo susceptus, mala saeculi evadat [449]

Соборное изобрѣтеніе. беззаконны во гнѣвъ себе имѣвши глѣтъ законъ же оубо гнѣ себѣ любивши. проса же той стый нарѣ. да ѿ него застоупленъ злы вѣска изведетъ [л. 605 об.]

Ps. CXXXI, 5 – съборьными

Quia locus eius est tabernaculum pectoris Christiani et atria Ecclesiae catholicae, quae ille tanquam coelum semper inhabitat [480]

Зане мѣсто его есть селеніе персей хрѣтіанскій. и дворы цркви соборныя в нѣже той іакѣ на нѣси вьсегдѣ || ѡвитаѣтъ [653–653 об.]

Symbolum apostolorum, 8 – съборьными

Credo in Spiritum sanctum, Sanctam Ecclesiam catholicam [560]

Вѣрѣю въ дѣха стѣго. Стѣю црковь соборнѣю [л. 767 об.]

Symbolum apostolorum, 8 – съборьными

D. Credis in sanctam Ecclesiam catholicam et sanctorum communionem? [560]

Оученикъ. Вѣрѣши ли въ стѣю цркѣ соборнѣю, и стѣ ѡбщѣніе [769 об.]

Symbolum apostolorum, 8 – кафолика

D. Quid est catholica? M. Universalis, id est per omnem orbem diffusa [560]

оученикъ. Что есть кафолика. Оучи|тель. (В)ъселѣньскаѣ, иже есть по вьсемѣ мїрѣ разліана [769 об.]

Symbolum Athanasii, 1 – православьными – съборьными

Quicumque vult salvus esse, ante omnia opus est ut teneat catholicam fidem [561]

Иже кто хоцетъ спѣтъ быти. прѣже всего потреба (на поле дѣло) есть. да содрьжитъ православнѣю (на поле соборнѣю) вѣрѣ [л. 775]

Symbolum Athanasii, 1 – кадоликѣа

Catholica graecus sermo est, latine interpretatur generalis sive universalis; generalis, pertinet ad omnes homines; universalis, quia per universum orbem est diffusa [561]

КАДОЛИКѣА ѣСТЬ ГРѢЧЕСКОЕ СЛОВО. ІАЖЕ ПРОТОЛКОУЕТСА СОБОРНАА ИЛИ ВСЕЛЕНСКАА. СЗБОРНАА ПРИСТОИТЬ КО ВСѢМЪ ЧЛКѢ. ВСЕЛЕНСКАА ЖЕ. ЗАНЕ ПО ВСЕЙ ВСЕЛЕННБІИ РАСПРОСТРАНИСА [Л. 775 об.]

Symbolum Athanasii, 3 – сзборьныи

Fides autem catholica haec est: ut unum Deum in Trinitate, et Trinitatem in unitate veneramur [562]

ВѢРА ЖЕ СЗБОРНАА СИА ѣСТЬ. ДА ЕДИНОГО БА ВЪ ТРЦИ. И ТРЦОУ ВЪ ЕДИНСТВѢ ЧЕСТВУЕМЪ [Л. 776]

Symbolum Athanasii, 18 – сзборьныи

Ita tres Deos aut Dominos dicere catholica religione prohibemur [564]

ТАКѢ ТРѢ БОГОВЪ. ИЛИ ГДЕИ ГЛАТИ. СОБОРЪНЫМЪ ДХОВЕНСТВО ВЪЗЪБРАНѢМСА [779 об.]

Symbolum Athanasii, 41 – сзборьныи

Haec est fides catholica, quam nisi quisque fideliter firmiterque crediderit, salvus esse non poterit [568]

СИА ѣСТЬ ВѢРА СОБОРНАА, ЮЖЕ АЩЕ КТО ВѢРНЪ И КРѢПЦЪ НЕ ВѢРДЕТЪ. СПСЕНЪ БЫТИ НЕ МОЖЕ [784 об.]

Symbolum Athanasii, 41 – сзборьныи, православьныи

Haec est fides catholica, sicut superius diximus, ista est fides catholica [568]

СИА ѣСТЬ ВѢРА СОБОРНАА. ІАКО ВЪШЕ РЪХОМЪ. СИА ѣСТЬ ВѢРА ПРАВΟΣЛАВНАА [Л. 784 об.]

Приложение 2 – Интерлинейрное латинско-церковнославянское издание «Исповедания веры», ложно приписанного Афанасию Александрийскому, по рукописи № 53 (29) из собрания Чудовского монастыря (Москва, Государственный исторический музей).

Славянский текст пестрит интересными переводческими ошибками, которых, однако, не будем здесь касаться.

К латинскому тексту, выступающему в кириллической транскрипции, прибавлена строка, в которой латинский текст читается в обычной и нормализованной орфографии. Кроме того, для удобства отсылки латинский текст разбит на стихи согласно с традиционной нумерацией.

191	Si	ѡѡанасїа	ѡрхїепїпа	ѡлѡандрьскѡ
	символоумъ	ѡтанасїи		

	Иже кто	хощеть	спнъ	быти:	прѣ	всего
	Квиквоумкве	воултъ	салвоусъ	esse:	анте	ѡмнїа
1.	Quicumque	vult	salvus	esse	ante	omnia

дѣло	ѣсть	да	вздѣржитъ	сѣвѡрнѡю	вѣ
опусъ	естъ	оутъ	тенеатъ	католикамъ	фи
opus	est	ut	teneat	catholicam	fi-

роу	Которѡю	ѡце	никтоже	наполнѣ
демъ	Квамъ	низи	квисъкве	иньтеграмъ
dem.	2. Quam	nisi	quisque	integram

непорочно же	вздѣржытъ:	бѣ	сѡ
иньвиулатамъкве	серваверитъ:	ѡбъскве	
inviolatamque	servaverit	absque	

мнѣнїа.	въ	вѣкы.	погибнетъ	Вѣра
доубив	инь	етерноумъ	перибитъ	Фидесъ
dubio	in	aeternum	peribit.	3. Fides

же	сѢВѢРНАѦ	сѦѦ	ѣсть:	ДА	ѢДИННОГО
доутемь	КАТОЛИКА	ЕКЪ	есть:	ѢТЪ	ОУНѢМЪ
autem	catholica	haec	est,	ut	unum

ѢѦ	ВЪ	ТРОИЦИ	И	ТРОИЦѢ
деоумь	ИНЬ	ТРИНИТАТЕ	ЕТЬ	ТРИНИТАТѢ
Deum	in	Trinitate	et	Trinitatem

Л. 1910Б	ВЪ	ѢДИНСТВѢ	ПОЧИТАЕМЪ	НИЖЕ	ПОСТЫДАТСѦ
	ИНЬ	ОУНИТАТЕ	ВЕНЕРЕМОУРЬ	НЕКВЕ	КОНФУНДЕНТѢ
	in	unitate	veneremur.	4. Neque	confundentes

ЖИВОТНА	НИЖЕ	СЪСТАВЪ	РАЗЛОУЧАЮЩЕ	ИНА
персонасѢ	НЕКВЕ	СОУСТАНЦІАМЪ	СЕПАРАНТЕСЪ	АЛІѦ
personas	neque	substantiam	separantes.	5. Alia

ВО ѢТЬ	ЖИВОТНО	ѠТѢЕ:	ИНО	СНОВНЕ:	ИНО
есть enim	персона	патрисѢ	аліѦ	филіи:	аліѦ
est enim	persona	Patris,	alia	Filii,	alia

ДОУХЪ	СВАТЫИ	НО	ѠЦѦ	И	СНѦ
спиритоусѢ	санкти	СѢДЪ	патрисѢ	ЕТЬ	Филіи
Spiritus	Sancti,	sed	Patris	et	Filii

И	ДХѦ	СНГО	ѢДИНА	ѢТЬ	ДХѢВНАѦ:
ЕТЬ	спиритоусѢ	санкти	ОУНА	ЕСТЬ	ДИВИНИТАСЪ:
et	Spiritus	Sancti.	6. Una	est	divinitas

РАВНА	СЛѦВА	СЪВѢЧНО	ВЕЛИЧЬСТВО	КА
екваллисѢ	глоріѦ	коетерна	магестасѢ	КВА
aequalis	gloria	coaeterna	maiestas.	7. Qua-

КВѢЪ	ѠЦЬ	ТАКОВЪ	СНЪ:	ТАКОВЪ	ДХЪ
лисѢ	патерѢ	ТАЛІИ	ФилиоусѢ:	ТАЛИСЪ	спиритѢ
lis	Pater	talis	Filius	talis	Spiritus

сѣи сантоусь Sanctus.	8.	Нестворенъ Инькреатоусь Increatus	ѡць патерь Pater,	несътворѣ инькреатоуѣ incretus		
снъ: филиусъ: Filius,		несътворенъ инькреатоусь incretus	дхъ спиритѣсь Spiritus	сѣи санктоуѣ Sanctus.		
9.		Неизмѣренъ ’Имменсоусъ Immensus	ѡць патерь Pater,	неизмѣренъ ’имменсоусь immensus	снъ: филиусъ: Filius,	ней ’имме immen-
змѣренъ ноусь sus		дхъ спиритоусь Spiritus	сѣи санктоусь Sanctus.	10.	вѣчныи ’етерноусь Aeternus	ѡць патерь Pater,
вѣчныи етерноусь aeternus		снъ: филиусъ: Filius,	вѣчныи етерноунѣсь aeternus		дхъ спиритѣ Spiritus	
сѣи санктоусь Sanctus.	11.	’Ивѡ ’етъ тамень Et tamen	не нонь non	трѣ тресь tres	вѣчнїи: етернїи: aeterni	
но сѣдь sed	ѣдинъ оуноусь unus	вѣчныи. етерноусь aeternus.	12.	’Ако Сикоуть Sicut	не нонь non	трѣ тресь tres
нестворени. инькреати. increti,	нѣ некъ nec	трѣ тресь tres	измѣрени: имменси: immensi,	но сѣдь sed	ѣдинъ ѡнѣсь unus	
несътворенъ инькреатоусь incretus	и еть et	ѣдинъ оуноусь unus	неизмѣрѣ имменсѣсь immensus.	13.	Та Симили Simili-	

ко	всемогѹцѹ	ѡцѹ	всемогѹцѹ	снѹ
терь	ѡмнипотенсѹ	патерѹ	омнипотенсѹ	фили
ter	omnipotens	Pater,	omnipotens	Fili-

л. 192	всемогѹцѹ	дхѹ	сѹи	'Ибо	
	ѹсѹ	спиритѹ	санктѹ	'Есть тамѣ	
	us,	omnipotens	Spiritus	Sanctus.	14. Et tamen

не	трѣе	всемогѹцѹи:	но	ѣдинѹ	все
нонь	тресѹ	ѡмнипотентесѹ:	седь	оуноусѹ	ѡмни
non	tres	omnipotentēs,	sed	unus	omni-

могѹцѹи		Тако	бѹ	ѡцѹ	бѹ	снѹ
потенсѹ		Ита	деоусѹ	патерѹ	деоусѹ	филиоусѹ:
potens.	15.	Ita	Deus	Pater,	Deus	Filius,

бѹ	дхѹ	сѹи	ибо	не
деоусѹ	спиритоусѹ	санктоусѹ	'Есть тамень	нонь
Deus	Spiritus	Sanctus.	Et tamen	non

трѣе	бси:	но	ѣдѹ	ѣсть	бѹ	Тако	госпо
тресѹ	ди:	седь	оунѹсѹ	есть	деоусѹ	'Ита	доми
tres	Dii,	sed	unus	est	Deus.	16. Ita	Domi-

дѹ	ѡцѹ	гѹ	сынѹ:	господѹ
ноусѹ	патерѹ	доминоусѹ	филиоусѹ:	доминоусѹ
nus	Pater,	Dominus	Filius,	Dominus

дхѹ	сѹи	'Ибо	не	трѣе
спиритоусѹ	санктоусѹ	'Есть тамень	нонь	тресѹ
Spiritus	Sanctus.	Et tamen	non	tres

гдѹ:	но	ѣдинѹ	ѣсть	гѹ	'Иже	ѹко
домини:	седь	оуноусѹ	есть	доминѹсѹ	Кѹѹа	сикѹ
Domini,	sed	unus	est	Dominus.	17. Quia	sicut

крѣплѣише сигилатимь singillatim	ѡдно коѣ ѡнамыквამыкვე unamquamque	животно персонамь personam	бѣ деѡ Deum
и акъ ас	гѣ доминоумь Dominum	исповѣдати конфитери confiteri	хрѣтѣаньскыа крестѣана christiana
ны татѣ tate	насилѡеми: компеллимоурь: compellimur.	18.	Тако итѣ Ita
			трѣ тресь tres
			бѣѡвѣ деѡсѣ Deos
			или аѡтѣ aut
господей доминосѣ Dominos	гѣлати. дисере. dicere	сѣвѣрныи католика catholica	чинѣ религионе religione
			ѡмѣта проиѣ prohibe-
ѣмѣса. моурь. mur.	ѡцѣ Патерѣ Pater	ни ѡ когѡ а нѣлло a nullo	ѣсть есть est
	19.		сѣзданѣ: фактѣсѣ: factus
			ни некъ nec
сѣтворенѣ креатоусѣ creatus	ни некъ nec	роженѣ генитоусѣ genitus.	20.
			Сѣнѣ Филиоусѣ Filius
			ѡ дѣца а патре a Patre
тоѣмо соло solo	ѣсть: есть: est,	а не нонь non	сѣзданѣ фактоусѣ factus
			ни некъ nec
			сѣтворѣ креатоусѣ creatus,
			но сѣдѣ sed
роженѣ генитоусѣ genitus.	21.	Дѣхѣ Спиритоусѣ Spiritus	сѣтъи санктоусѣ Sanctus
			ѡ дѣца а патре a Patre
и сѣна: еѣ филиѡ: et filio	а не нонь non	сѣзданѣ фактоусѣ factus	ни некъ nec
			сѣворенѣ креатѣсѣ creatus

Л. 1920Б ни рожѣнъ но ѿхождѣцъ ѿдѣнъ ѿбо ѿць
 некъ генитоу: седь просѣденъ ѿдноуъ ерго патеръ
 nec genitus, sed procedens. 22. Unus ergo Pater

не триѣ ѿцы ѣдинъ снъ не триѣ
 нонъ тресъ патресъ оуноуъ филиоуъ нонъ тресъ
 non tres Patres, unus Filius, non tres

сны: ѣдинъ дхъ стѣи не
 филии: оуноуъ спиритоуъ санктоуъ нонъ
 filii, unus Spiritus Sanctus, non

триѣ дси стѣи ѿи в тои трѣцы
 тресъ спиритѣъ санкти ѿеть инъ акъ тринита
 tres Spiritus Sancti. 23. Et in hac Trinita-

ниѣто преже ѿли послѣднее: ни
 те ниѣилъ приоуъ доутъ постериѣъ: ни
 te nihil prius aut posterius, ni-

ѣто болши ѿли мѣнши. но вси триѣ
 хилъ маюъ доуть минуъ. седь тотѣ трѣ
 hil maius aut minus, sed totae tres

животна съвѣчни себѣ сѣть ѿи всѣпѣ равъ
 персоне кзетерне сиви соунтъ еть коеква
 personae coaeternae sibi sunt et coaequa-

ни Тако да по всѣ ѿко оуже вы
 лесъ ѿта дтъ перь ѿмнѣа сикоуть ѿамь сѣ
 les. 24. Ita ut per omnia sicut iam su-

ше	г҃лано	ѣсть	и	ѣдиѣство	вз	тро
пра	диктоумь	ѣсть	еть	Ѹнитасъ	инь	три
pra	dictum	est	et	unitas	in	Tri-

ици.	и	трѣца	вз	ѣдиньствѣ	че
нитате.	еть	тринитасъ	инь	Ѹнитате	вене
nitate,	et	Trinitas	in	unitate	vene-

ствована	вѣдѣ	кто	хочеть	Ѹбо	сѣнъ	быти:	тако
ранда	ситъ	кви	воултъ	ерго	салвоусъ	ессе:	ита
randa	sit.	25. Qui	vult	ergo	salvus	esse	ita

ѡ	троицы	да взнемлѣ	но	подѡвно
де	тринитате	сенѣдѣтъ	седь	нессесариѡмь
de	Trinitate	sentiat.	26. Sed	necessarium

ѣсть	къ	въчумѡ	сѣнѣо:	да	вз во
естъ	адъ	етернамъ	салоутемъ:	оутъ	инь
est	ad	aeternam	salute	ut	in-

площеніе	господа	нашего	иѣ	ха
карнасиwnемь	домини	ностри	gezou	кристи
carnationem	Domini	nostri	Iesu	Christi

вѣрнѣше	вѣрѣтъ	ѣсть	Ѹбо	вѣра	права
фѣделитеръ	кредать	ѣсть	ерго	фидесъ	ректа
fideliter	credat.	27. Est	ergo	fides	recta

да	вѣрѣмъ	и	исповѣдаемъ:	иѣко	госпо
ѡтъ	кредамъсь	еть	конфитеамърь:	квѣа	доми
ut	credamus	et	confiteamur,	quia	Domi-

дъ	нашъ	иѣ	хѣ	бжѣи	сѣнъ
ноусъ	ностеръ	gezouсь	крестоусъ	деи	филиѡсъ
nus	noster	Iesus	Christus	Dei	Filius

Л. 193 БЪ и ЧЛВКЪ ёсть БГЪ ёсть ѿ сщества ѿца
 Дѣдъ етъ ѿмо етъ Деоусъ етъ едъ сдѣстанѣа па
 Deus et homo est. 28. Deus est ex substantia Pa-

преже вѣкъ роженъ: и члвкъ ѿ ѿ
 трисъ анте секоула генитоусъ: етъ ѿмо ѿ ѿ
 tris ante saecula genitus, et homo est ex

сщества МАТЕРНА вЪ вѣкъ роженъ
 сдѣстанѣа МАТРИСЪ ИНЪ секоуло НАТОУСЪ
 substantia Matris in saeculo natus.

СЪВЕРШЕНЪ БЪ СЪВЕРШЕНЪ ЧЛВКЪ: ѿ ДША
 Перфектоусъ деоусъ перфектоусъ ѿмо: еккъ анима
 29. Perfectus Deus, perfectus homo ex anima

словесны и смиренѣа плоти подлежащи.
 расишнали етъ оумана карне соубсистенъ.
 rationali et humana carne subsistens.

Равенъ ѿца по Духовенствѣ
 ѿеквалисъ патри секоундоумъ дивѣнитатемъ
 30. Aequalis Patri secundum divinitatem

менши ѿца по смиренѣю
 миноръ патре секоундоумъ оуманитатемъ
 minor Patre secundum humanitatem.

ѿже подобаетъ бгъ бдѣ и члвкъ: не два бо:
 кви лисеть деоусъ ситъ етъ ѿмо: нонъ доуѿ та
 31. Qui licet Deus sit et homo, non duo ta-

но ѣдинъ ёсть хс ѣдинъ же
 мень: седь оуноусъ етъ кристоусъ ѿноусъ адтѣ
 men, sed unus est Christus. 32. Unus autem

не	вѣращеніе	дѣивенства	вз	плоти:
нонь	конверсіоне	дивинитатисъ	инь	карне:
non	conversione	divinitatis	in	carne,

но	взсприятіе	смиреніа	вз	бѣѣ
седь	ѡссоумпціѡне	оуманитатисъ	инь	део
sed	assumptione	humanitatis	in	Deo.

33.	ѣдинъ	всако	не	постыдѣнїемъ	сѣщества:
	ѡноуць	омнино	нонь	конфузиѡне	соубстанціе:
	Unus	omnino	non	confusione	substantiae,

но	вз ѣдинствѣ	животна		ѣмже	ѣако	дѣша
седь	оунитате	персонѣ		намъ	сикотъ	анима
sed	unitate	personae.	34.	Nam	sicut	anima

словесна.	и	плоть	ѣдинъ	ѣсть	члѣкъ:
расиѡналисъ	еть	каро	ѡноуць	еть	ѡмо:
rationalis	et	caro	unus	est	homo,

ѣако	бѣ	и	члѣкъ	ѣдинъ	ѣсть	христосъ
ита	деоуць	еть	ѡмо	оунѣсъ	еть	крисѣсъ
ita	Deus	et	homo	unus	est	Christus.

	ѣмже	пострадаѣ	ѣ	рѣ	спсеніа	наше	сидеть
	кѣи	пассоуць	еть	про	салѣте	ностра	десцендитъ
35.	Qui	passus	est	pro	salute	nostra	descendit

вз	ѡдъ:	вз третїи	днѣ	взскрсе	ѡ	мртѣѣ.
ѡдъ	инѣферосъ:	терціа	дїе	резоурресить	а	мртоуї.
ad	inferos,	tertia	die	resurrexit	a	mortuis.

л. 1930б ВЗЫДЕ на нбса. сѣдѣть ѡдеснѡю бѣ ѡца
 'Азсендѣ адъ селось. сѣдѣ адъ дестерѡ деи патрѣ
 36. Ascendit ad coelos, sedet ad dexteram Dei Patris

всемогѡцаго: пакы градѡщѣ есть.
 ѡмпотентисъ: иньде вентѡрусь есть.
 omnipotentis. 37. Inde venturus est

сѣдѣти живѡмъ ѡ мѡртвѡмъ Къ егоже
 юдикаре вивосъ етъ мортѡуосъ 'Адъ кѡюсъ
 iudicare vivos et mortuos. 38. Ad cuius

пришествію вси члѣцы възскрѣсти
 адъвентѡумъ ѡмнесъ ѡминесъ резѡургерѣ
 adventum omnes homines resurgere

ѡмаютъ съ телесы своїми: и
 авентъ коумъ корѡпоривѡусъ соусъ: етъ
 habent cum corporibus suis. 39. Et

възданіа сѣть ѡ створеніи ѡстиннѡмъ
 реддѡтурѣ соунтъ де фактисъ пропріисъ.
 reddituri sunt de factis propriis

прѣвнѣи 'И ѡже блѡга сздѡлаша ѡдѡтъ
 рѡсѡнѣмъ 'Етъ кѡи бѡна егерѡнтъ ѡбунтъ
 rationem. 40. Et qui bona egerunt ibunt

въ животъ вѣчнѡи: ѡже бѡ злаа въ
 инь витамъ етернамъ: кѡи верѡ мала ѡнъ
 in vitam aeternam, qui vero mala in

ѡгнь вѣчнѡи Сѡа етъ вѣра сѡѡ
 ѡгнѣмъ етернѡумъ 'Ѣкъ етъ фидесъ като
 ignem aeternum. 41. Haec est fides catho-

ѣнаа:	когораа	ѡце	никто*	вѣрнѣше
лика:	квამь	низи	квисъкве	фиделитеръ
lica,	quam	nisi	quisque	fideliter

крѣплѣше	вѣрѣтъ:	спасенъ	быти
фирмитеръкве	кредидеритъ:	салвоуь	ессе
firmiterque	crediderit,	salvus	esse

не	можетъ :	Слава
нонь	потеритъ.	Глоріа — — — —
non	poterit.	Gloria

ПРОФИЛЬ АВТОРА:

Prof. Dr. Vittorio Springfield Tomelleri

Associate professor at the Department of Humanities of Macerata State University, Italy. He lectures mainly on Russian language and Slavonic Philology. He has been working on Church Slavonic translations from Latin and Greek. His other research interests are aspectology, textual criticism, writing systems and the Caucasus area (especially Georgian, Ossetic and Armenian languages).

Vittorio Springfield Tomelleri

Dipartimento di Studi Umanistici

Università di Macerata

Via Illuminati 4

62100 Macerata

vittorio.tomelleri@unimc.it

<http://docenti.unimc.it/vittorio.tomelleri>

<https://unimc.academia.edu/VittorioTomelleri>

ЛАВРЕНЧЕНКО МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА

Россия, Москва

**ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ДВУХ
СЕМЕЙСТВАХ ТЫСЯЦКИХ В ВЕЛИКОМ
НОВГОРОДЕ XIII–XIV ВВ.**

ABSTRACT:

Onomastic records on two families of tysyatskies in Novgorod the Great in the 13th–14th centuries

This article focuses on the genealogy and history of two tysyatsky (thousandman) kins *Gorislavichi* and *Eleufer'evichi* who lived in the 13th–14th centuries in the Novgorod Republic. Based on the chronicle evidences such as names, patronymics, official ranks and name giving tradition, including alliteration and rhyme in the names of parents and children, we reconstitute relations between persons, mentioned in Novgorod First Chronicle and birchbark manuscripts.

KEY WORDS:

Novgorod Republic – 13 century – 14 century – family history – onomastics – medieval Russian names – tysyatsky – Novgorod First Chronicle.

За всю историю средневекового Новгорода в нем действовало множество групп и коалиций, каждая из которых поддерживала своего князя, способствовала проведению определенной политики по отношению к другим землям и городам. Большинство в этих группах принадлежало к влиятельным семьям, члены которых занимали важнейшие должности, участвовали в посольствах, упоминались среди тех, кто принимал решение на вече; их дома подвергались разорению, а сами они – изгнанию в случае неудачи.

Но если историю таких группировок, их состав, успешные и не слишком периоды можно проследить по данным летописи, то о истории самих семейств можно сказать гораздо меньше, так как, в отличие от средневековой Европы, мы не располагаем ни генеалогиями, ни номинальными списками знатных горожан, которые помогли бы нам установить существование родственных связей. В этой ситуации особые возможности открываются при комплексном изучении содержащихся в летописи имен, отчеств, указаний на родство, должность, а также при рассмотрении семейных традиций выбора имени. В этой работе мы опираемся на данные Новгородской первой летописи, грамот Великого Новгорода и Пскова, а также на летописные списки тысяцких.

Начиная разговор о семьях тысяцких, необходимо сразу оговориться, что речь идет не о четко детерминированной социальной группе. Летописные сообщения о происхождении известных тысяцких и том общественном слое, который они представляют, исчезающе малы. Тысяцкий – прежде всего должностное лицо и упоминается в связи с военной деятельностью князя, как его представитель, сочетающий военные функции с «полицейскими» – обеспечением гражданской безопасности в мирное время. Источники свидетельствуют о близкой связи князя и тысяцкого – последний теряет должность в случае недовольства правителем, а также расплачивается своим имуществом.

По-прежнему остается дискуссионным вопрос о том, чьи интересы представляет тысяцкий в Новгороде и из какой среды он происходит. Известно, что тысяцкие избирались на вече. В. Л. Янин предположил, что изначально они защищали интересы *житых людей* – меньших бояр и непривилегированных слоев населения, и происходили из этой же среды, но уже в XIV – XV веках тысяцкие начинают избираться из бояр [Янин 1991: 212 и далее; Янин 2014: 828; вслед за ним: Буров 1994: 67, Бассальго 2008: 33]. Ряд исследователей утверждают, что тысяцкие изначально имели боярское происхождение [Leuschner 1980: 79–109; Кучкин 2006: 14, Несин 2013: 146].¹ Учитывая вышесказанное, представляется еще более целесообразным обратиться к рассмотрению семейной истории новгородских тысяцких. В данном исследовании планируется реконструировать состав двух таких семей, члены которых действовали в XIII – XIV веках.

Наблюдения над именами знатных горожан и бояр из княжеских дружин, встречающихся на страницах летописей, позволяют выделить

¹ Более подробно историография вопроса рассмотрена в работах М. А. Несина [НЕСИН 2015; 2015а]

две традиционные особенности имянаречения. Разумеется, они не были обязательными, но часто использовались теми, кто хотел подчеркнуть преемственность поколений или выделить членов семьи как микросоциальную группу, используя имена, схожие как по звучанию, так и по графическому начертанию.

Принцип повтора основ в именах отца и сына или братьев у русских князей домонгольской эпохи рассмотрен А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским и связывается ими с необходимостью продемонстрировать единство Рюриковичей при действующем запрете называть сына именем живого отца, что можно видеть, например, в имени князя Всеволода Володимировича, в имени княжны Всеславы Всеволодовны, в именах братьев Ярослава и Ярополка Юрьевичей [Литвина, Успенский 2006: 32–70]. По всей видимости, этот запрет действовал и в других социальных срезах древнерусского общества, так как мы исключительно редко находим в летописи лиц, названных одним именем с отцом. Принцип повтора начального звука в именах отца и сына встречается в среде Рюриковичей значительно реже, например: Глеб Гюргевич (именно в такой форме его имя упоминается в летописи), Владимир Василькович, Ярослав Юрьевич (здесь можно отметить коренную рифму Jar- – Jur-) и др.

Отмеченные особенности близки двум принципам скандинавской традиции имянаречения [Смирницкая, 1994: 68]. В первую очередь это использование аллитерации при выборе имен родителей и детей или братьев (сестер), которое в самом простом виде заключается в повторе начальной согласной, например, в именах братьев Хёскульда (Höskuldur) и Хрута (Hrútur) или любой гласной. Второй принцип – повтор или рифма одной из именных основ, например: Торгерд (Þorgerður) и Торстейн (Þorsteinn) – дочь и отец. Оба примера взяты из Саги о Ньяле [Bragi Halldorson 1987: 75].

Упомянутые выше особенности имянаречения, характерные для древнерусской среды, можно наблюдать, как в Новгороде, так и в других землях. В качестве примера **повтора начального звука** в именах отца и сына можно привести следующие имена:

Михалко Микифорович [НПЛ: 68]: 6737г,

Михаиль Мишинич [НПЛ: 88]: 6777 г,

Михалко Моисеевич [НПЛ: 76] 6746 г,

Сдила (<Съдила) Саввич [НПЛ: 64], 6732 г,

Сбыслав Степанович [НПЛ: 57, 257] 6725 г,

Иван Иевлич [НПЛ: 472].

А также: Офонас Онцифорович (надпись на печати [Янин 1981:23], здесь можно наблюдать повтор других звуков в имени и отчестве) и другие.

Повтор основы в имени отца и сына можно увидеть в именах-отчествах следующих лиц:

Вънѣздъ Нездинич (<Несьдинич) [НПЛ: 39] 6699 г,

Володислав Воротиславич [ПСРЛ Т. II: Стб. 532–533], статья 6677 (1169) года (в дополнение к повтору второй основы, первая основа имен рифмуется),

Жирослав Нажирович [ПСРЛ. Т. II: Стб. 505], статья 6668 (1160) года,

Сбыслав Жирославич [ПСРЛ. Т. II: Стб. 544], статья 6679 (1171) года.

Упомянутые особенности могут присутствовать не только в именах сына и отца, но и родных братьев (или сестер). Так, например, два брата из Старой Русы носили имена с общей основой: Хотеслав и Радослав. (Грамота № 35, Старая Русса, 30 - 40е гг. XII века [Зализняк 2004: 335]). Также в летописи мы можем встретить имена отца и двух сыновей, начинающиеся на один звук (и одну букву в графическом начертании): Смен (Семен) и Сенефонт (Ксенофонт) – сыновья Судко (Судислава) [НПЛ: 99, 343], 1332 год. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский отметили варьирование основ в именах галицкого боярина Володислава Кормильчича и его братьев – Ярополка и Яволода (Ясволода) [Литвина, Успенский 2006: 69].

Упомянутые особенности имянаречения, с регулярностью наблюдаемые в семьях знатных новгородцев, уже использовались в историографии для подтверждения предполагаемых родственных связей, например, при изучении генеалогий новгородских бояр, А. А. Гишпиус акцентировал внимание на повторе начальных слогов в именах предполагаемых сыновей Гюряты Роговича, Мирослава и Михалко, [Гишпиус 2006: 102], скандинава по происхождению. Попробуем применить данный подход в двух других случаях, где имеющиеся летописные данные недостаточны. К интересующему нас периоду скандинавские традиции вряд ли могли иметь решающее значение в вопросах имянаречения, хотя лица, обладающие скандинавскими именами, продолжают встречаться в летописном тексте, например, Олдан подвойский [сканд. Hálfdan(r), НПЛ: 71], однако ориентация на традиции выбора имен, существовавшие в княжеской среде, несомненно, присутствовала.

Братья Гориславичи Первая треть XIII века

В статьях первой трети XIII века при князе Ярославe Всеволодовиче упоминается тысяцкий Вячеслав, который сопровождает князя в Псков в 6736 (1228) году:

Томъ же лѣтъ князь Ярославъ, преже сеи рати, поиде въ Пльсковъ съ посадникомъ Иванкомъ и тысячьскыи Вячеслав [НПЛ: 65–66, 271].

В. А. Буров вслед за В. Л. Яниным отождествляет его с Вячеславом Прокшиничем [Буров 1994: 67], представителем новгородского семейства Малышевичей, участвовавшем в заложении церкви Сорока севастьянских мучеников в Неревском конце Новгорода [НПЛ: 52, 64, 65, 79], основываясь на том, что оба персонажа носят одинаковое имя. Однако, как было показано Т. В. Гимон, «нет ни малейших оснований считать, что тысяцкий Вячеслав, о котором в Н1 идет речь под 1228 годом, и Вячеслав Прокшинич — одно и то же лицо» [Гимон 2001: 200]. Кроме того, можно заметить, что Вячеслав Прокшинич выступает в летописи как представитель Новгорода и Неревского конца — отправляется в качестве посла к Юрию Всеволодовичу перед Липицкой битвой, участвует в строительстве, в то время как тысяцкий Вячеслав упоминается или при князе Ярославe Всеволодовиче или в связи с его деятельностью.

В первой трети XIII века в Новгороде обостряется конфликт группировок, занимающих прочерниговскую и просуздальскую позиции. Сторонникам Ярослава Всеволодовича противостояли Внезд Водовик, Борис Негочевич и Борисова чадь² (об одном ее представителе — Семене Борисовиче мы знаем, что он происходил из Славенского конца Новгорода³).

И черниговский и суздальский князья присутствовали в городе лишь непродолжительное время, оставляя своих сыновей юного возраста под покровительством союзников, обладающих авторитетом в городе. Ярослав Всеволодович стремится укрепить свое влияние в Пскове, который чаще отказывался участвовать в его политике и даже принимать, сторонники князя в городе подвергаются гонениям («а тѣхъ, кто ималь

² Название «Борисова чадь» связано не с именем тысяцкого Бориса Негочевича, а с именем отца Семена и Глеба Борисовичей — Бориса Мирошкинича, переселившегося на Славно после разгрома в 1207 году. [Гишпиус 2006: 104].

³ Именно в Славенском конце Семен Борисович строит церкви Св. Павла и Св. Симеона Богоприимца, Св. Константина и Елены, которые затем его вдова превратила в Павловский монастырь [НПЛ: 63; Янин 1991: 14; Гишпиус 2006: 104].

придатыкъ у Ярослава, выгнаша ись Пльскова: ‘пойдите по князи своемь, намъ есте не братья’» [НПЛ: 66]). Деятельность тысяцкого Вячеслава и его братьев не в последнюю очередь связана именно с утверждением Ярослава Всеволодовича в Пскове.

Потерпев неудачу с предложением Пскову идти совместным войском на Ригу (после чего в походе отказались участвовать и новгородцы), князь уезжает в Переяславль, оставив в Новгороде сыновей Федора и Александра под покровительством Федора Даниловича и тиуна Якима.

Пока князь отсутствует, город переживает неблагоприятные времена: «Тои же осени найде дъжгъ великъ и день и ночь, на Госпожькинъ день, оли и до Никулина дни не видъхомъ свѣтла дни, ни сѣна людъмъ баше лзѣ добыти, ни нивъ дѣлати» [НПЛ: 66–67].

Вина за неблагоприятные погодные условия была возложена «простой чадью» на владыку Арсения, который, как предполагалось, получил эту должность, дав Ярославу Всеволодовичу «мзду». Арсения выгоняют, а на его место приглашают Антония, который был архиепископом ранее. После смены владык дворы ряда лиц подвергаются разграблению⁴:

И не досыти бы зла, нъ еще боле того: възмятеся всь городъ, и поидоша съ вѣца въ оружии на тысячьского Вяцеслава, и розграбиша дворъ его, и брата его Богуслава, и Андреичевъ, владычня стольника, и Давыдковъ Софиискаго, и Судимировъ; а на Душильця, на Липньскаго старосту, тамо послаша грабить, а самого хотѣша повѣсити, нъ ускоци къ Ярославу; а жену его яша, рекуче, яко ‘ти на зло князя водят’; и бысть мятежъ въ городе вѣликъ. [НПЛ: 67].

В списке тех, чьи дворы пришли грабить, приводятся лица, занимавшие должности при Ярославе Всеволодовиче и Арсении: тысяцкий и его брат, стольники архиепископа (очевидно, прежнего архиепископа – Арсения); по предположению В. Д. Назарова, ссылающегося на А. А. Гиппиуса [Назаров 2009: 366], указание на эту должность справедливо и для Андрея и для Давыда – софийского стольника), имя Судимира приводится без должности, позднее он упоминается как «вятский» новгородец, спутник Ярослава, происхождением из Славенского конца [НПЛ:74].

Любопытно упоминание Душильця – липнинского старосты, ведь до строительства церкви Св. Николы на Липне в 1292 году никаких сведений о жизни или существовании церкви на этом острове нет. Имя Душилец (возможно, это прозвище), можно считать косвенным указа-

⁴ По словам П. В. Лукина, такие разграбления являлись частью вечевого правосудия при отсутствии жесткой авторитарной власти [Лукин 2014: 439].

нием на незнатность происхождения старосты, в отличие от Судимира (основы -мир- и -суд- используются при имянаречении в боярских семьях); таким образом, разорению подверглись новгородцы разного социального статуса. В противоположность многим другим летописным перечислениям, здесь лица приводятся без отчества, но с упоминанием должностей, что подчеркивает их ответственность и игнорирует вопрос происхождения.

Из этого эпизода мы узнаем, что у тысяцкого Вячеслава был брат Богуслав. Идентифицируя тысяцкого Вячеслава как сына Прокши Лашнева, В. Л. Янин предположил, что здесь идет речь о тех же персонажах, что и в ряде берестяных грамот начала XIII века – Прокоше и Богоше, что было поддержано В. А. Буровым [Буров 1994: 67], но исключено Т. В. Гимон [Гимон 2001: 200], так как Вячеслав не относится к семейству Прокшиничей, следовательно и упомянутый Богуслав принадлежит к другой семье.

Следом после разграбления двора, Вячеслав, находящийся по-прежнему в Новгороде, лишается должности тысяцкого – ее получает Борис Негочевич – участник прочерниговски настроенной группы бояр: «Тъгда отяша тысяцьское у Вячеслава и даша Борису Нѣгочевичу» [НПЛ: 67]. Княжичи Федор и Александр Ярославичи бегут с Федором Даниловичем, а новгородцы посылают к Михаилу в Чернигов.

В городе занимают доминирующее положение сторонники черниговских князей, а «на Яросла(в)лихъ любовницехъ поимаша... кунь много» [НПЛ: 68]. Только теперь своей должности лишается и посадник Иванко Дмитриевич – сторонник Ярослава, его заменяет один из ближайших сторонников Михаила – Везд Водовик.

Уходя из Новгорода, Михаил Всеволодович оставляет своего сына Ростислава (как ранее Ярослав оставлял Федора и Александра) и забирает с собой группу новгородцев, в их числе и Богуслава Гориславича – очевидно, брата тысяцкого Вячеслава, двор которого недавно был разграблен – и теперь нам становится известно отчество братьев (статья 6737 (1229) года):

Томъ же лѣтѣ поиде князь Михаилъ въ Църниговъ къ братъи, поимя съ собою новгородце Богуслава Гориславиця, Сбыслава Якунковиця, Домаша Твърдиславиця, Глѣба, посадницъ сынъ, Михаилка Микифоровиц, Михаля Прикупова, а сына своего Ростислава остави Новѣгородѣ. ‘А мнѣ, рече, даи Богъ исправити правда новгородская, тоже от вас пояти сына своего’ [НПЛ: 68].

В каком качестве сопровождает Богуслав Михаила – как пленник, заложник или как его сторонник?

В списке спутников мы находим тех, кто в разное время входил в обе группы: так, Домаш Твердиславич назван затем братом посадника [НПЛ: 78], т.е. Степана Твердиславича, сторонника Ярослава Всеволодовича и представителя Прусской улицы [Янин 1991:13–15], Глеб – сын Внезда Водовика, ныне действующего посадника, сторонника черниговских князей. Сбыслав Якунович – вероятно, сын тысяцкого Якуна [НПЛ: 60] и будущий посадник [Янин 1991:13–15], без сомнения, относился к просуздальской группе.

И Богуслав Гориславич, и Домаш Твердиславич, и Сбыслав Якунович, а также Глеб – младшие родственники лиц, занимавших в прошлом или в будущем пост тысяцкого и посадника. Таким образом, Михаил забирает младших членов тех семей, в чьих руках находились наиболее значимые должности. Поступая таким образом, он тем самым гарантирует сохранение договоренностей с Новгородом, ведь и сам он оставляет своего сына, Ростислава, надеясь благополучно воссоединиться с ним: «А мнѣ... тоже от вас пояти сына своего».

Это последнее упоминание о Богуславе, по всей видимости, он погибает от рук сторонников Михаила Всеволодовича. После того, как черниговский князь повторно покидает Новгород, летописец повествует о распре между Внездом Водовиком (сторонником черниговских князей) и Степаном Твердиславичем, последнего поддерживает Иванко Тимошкинич, которого били «паробчи посадници». На Ярославле дворе было устроено вече против Внезда, его двор разграбили, но посадник и Семен Борисович «възъвари городъ вьсь» на Иванка Тимошкинича и Якима Влунковича (последний бежит к Ярославу Всеволодовичу), а также на Прокшу Лашнева и Волоса Блуткинича, которого убивают на вече. Последним Водовик убивает Иванка, сбросив в Волхов, и тем побеждает сторонников Ярослава. В Новгороде начинается голод, настроения меняются, в результате чего Внезд Водовик бежит с княжичем Ростиславом Михайловичем в Торжок, а тысяцкий Борис Негочевич – ко князю в Чернигов.

Новым посадником становится Степан Твердиславич, тысяцким – Микита Петрилович, о Вячеславе ничего не говорится. Новгородцы посылают за князем Ярославом Всеволодовичем, он возвращает Арсения из Хутынского монастыря и делает его игуменом в Юрьевом монастыре, а также устраивает поход на Чернигов.

Спустя время в Новгороде пытаются занять позиции Святослав Всеволодович (сын Всеволода Святославича, черниговского князя), поддерживаемый Борисовой чадью, Борисом Негочевичем, сыном Внезда Водовика – Петром Водовиковичем, братом Семена – Глебом Борисови-

чем и Мишей. Быстро поняв, что в городе шансы Святослава невысоки и пользуясь тем, что Ярослав находится в Переяславле, Борисова чадь уже без князя приходит в Псков, избивает Вячеслава (в Синодальном списке добавлено – Гориславича, это прочтение первоначально [Гиппиус, Гимон 1999: 34]) и захватывает его в плен:

Въ лѣто 6740. Придоша ис Цѣрнигова Борис Нѣгоцевичъ, Михаль⁵ съ братомъ, Петре Водоковиць, Глѣбъ, Сменовъ братъ, Миша,⁶ съ князьмъ Святославомъ опять (в Синодальном списке пропущено – комм. к летописи) въ Русь; урозумѣвъ, яко си сългаша имъ; они же въгонивше въ Пльсковъ, яша Вячеслава, и бивъше его, оковаша и» [НПЛ: 71].

Здесь мы вновь встречаем Вячеслава, на этот раз уже без должности и в другом городе – Пскове. И в этом первом упоминании персонажа без должности появляется его отчество – Гориславич, таким образом, мы получаем дополнительное подтверждение тому, что тысяцкий Вячеслав был Гориславичем – братом Богуслава Гориславича.

По всей видимости, Вячеслав Гориславич бежал во время грабежей и убийств Внезда Водовика в Псков и обосновался здесь. Его брат Богуслав не вернулся из Чернигова (что неудивительно после того, как сторонники черниговских князей бежали из Новгорода). Однако Вячеслав не погибает – в обмен на него Борисова чадь просит выдать им их жен – «Борисовую, Глѣбовую, Мишиную», которые оказались в заложницах у Ярослава после его прихода в Новгород (вместе с псковитянами: «князь.. изима пльсковичи и посади я на Городици в гридници» [НПЛ: 71]).

Ярослав требовал у псковитян: «мужа моего (Вячеслава Гориславича – М. Л.) пустите, а темъ путь покажите прочь, откуда пришли» [НПЛ: 72], псковитяне сначала отказались, однако из-за подорожания соли потребовали у Борисовой чади отпустить Вячеслава, а Ярослав, в свою очередь, отпустил жен. Этот эпизод свидетельствует о том, что Вячеслав, будучи тысяцким, имел необычайно высокое значение для Ярослава, так как описание его обмена на захваченных жен Борисовой чади и псковитян занимает значительное место в летописи, о том же говорит нежелание князя мириться с Псковом, пока не будет возвращен Вячеслав. Борисова чадь уходит в Медвежью голову, но на этом история Гориславичей не заканчивается.

⁵ Брат Внезда Водовика, ср. «разграбиша и села... такоже и Водовиковъ двор и села, и брата его Михаля, и Даньслава» [НПЛ: 70].

⁶ В. Л. Янин предлагает относить слова летописи «Семенов брат» к Мише, «который, таким образом, был Борисовичем и родным братом бывшего посадника Семена Борисовича» [Янин 1991: 16]

Без сомнения, псковский воевода Гавриил Гориславич был еще одним младшим братом Вячеслава и жил с ним в Пскове. Увы, его появление в летописи – это упоминание о его смерти в 6748 (1240) при попытке отбить Изборск от войск Ордена и союзников, в том числе – Ярослава Владимировича (сына Владимира Мстиславича):

Того же лѣта взяша Нѣмци, медвѣжане, юрьевци, вельядци с княземъ Ярославом Володимиричемъ Изборско. И приде вѣсть въ Пльсковъ, яко взяша Нѣмци Изборскъ; и выидоша пльсковичи вси, и бишася с ними, и побѣдиша я Нѣмци. Ту убиша Гаврила Горислалича воеводу; а пльсковичь гоняче, много побиша, а инѣхъ руками изымаша» [НПЛ: 77, 294, 449 Воронцовский список – Гориславича].

Спор за этот город шел между Ярославом Владимировичем и Ярославом Всеволодовичем, следовательно, Гавриил, как и его братья, был преданным человеком суздальского князя, а Ярослава Владимировича ранее поддерживала уже знакомая нам Борисова чадь:

Изгониша Изборскъ Борисова чадь съ княземъ Ярославом Володимиричемъ и съ Нѣмци». [НПЛ:72].

Должность Гавриила – воевода – близка должности тысяцкого, и нередки случаи, когда воеводы становились тысяцкими [Толочко 2011: 52], что, вероятно, предполагалось и для младшего Гориславича в будущем.

Итак, в событиях начала XIII века в Новгороде участвуют три брата Гориславича – Вячеслав, Богуслав и Гавриил, занимающие сторону Ярослава Всеволодовича, каждый из которых хотя бы один раз назван в тексте Гориславичем, причем про Вячеслава и Богуслава говорится, что они братья.

При имянаречении братьев в первых двух случаях используется повтор основы в имени отца и имени сына: Богуслав Гориславич и Вячеслав Гориславич так, что при произнесении имени-отчества образуется внутренняя рифма, кроме того, оба имени объединяются не только по отчеству, но и по именной основе, что выделяет их среди других имен в общую группу, как графически, так и по звучанию.

Младший брат, Гавриил Гориславич, получает христианское имя Гавриил, не делимое на основы для носителя славянских языков, повторяющее первый звук (и первую букву) имени отца. Пара имен отца и сына обладает фонетическим созвучием в целом, так как в нем повторяются все согласные кроме одной, в различной последовательности: Гавриил – Горислав.

Отметим, что и в княжеских семействах христианское имя (в качестве единственного) чаще отдавалось младшим сыновьям, в то время как старшие были известны прежде всего под родовыми двухосновными именами, как, например, сыновья Владимира Мономаха [Литвина, Успенский 2006: 117–131].

По всему видно, что члены семьи Гориславичей относились к выбору имени с большим вниманием – имена Богуслав и Горислав довольно редки, а Вячеслав – княжеское имя, постепенно теряющее популярность у Рюриковичей и появляющееся в знатных семьях. Основа -слав наиболее популярна в именах знати Новгородской земли. Имя Горислав встречалось ранее лишь в качестве негативного прозвища: Рогнеды (Гориславы) или Олега Святославича (Гориславича) [Успенский 2002: 48, Зализняк 2004а: 340].⁷

Подводя небольшой итог, отметим, что семейство Гориславичей обладало теснейшими связями с Ярославом Всеволодовичем: Вячеслав сопровождает его в походах, Гавриил отстаивает для него Изборск с псковитянами, эта связь носила личный характер – при недовольстве князем новгородцы разграбляют дворы братьев как плохих советчиков князя, Богуслав берется в плен в качестве заложника, а вслед за ним и Вячеслав, для обмена которого князь устраивает переговоры и не утверждает мир со Псковом, пока обмен не оказывается совершен.

Важно отметить, что определить каких-либо предков интересующего нас семейства невозможно, ни один из Гориславичей никогда не выступает как представитель города или конца, не отправляется с посольством и не фигурирует как активный участник вече. Функции Гориславичей связаны с военными действиями, сопровождением князя и советами ему, если принимать во внимание обвинение, сформулированное горожанами на вече. К братьям испытывала особую неприязнь Борисова чадь, которая противостояла суздальским князьям и после того, как перестала поддерживать Михаила Черниговского, что предполагает личный характер вражды.

Завершая рассказ об этом конфликте, остается добавить, что в статье 6744 (1235) года при Ярославе Всеволодовиче упоминаются известные нам ранее Судимир, Яким Влункович, которому, очевидно, удалось бла-

⁷ Говоря о семействе Гориславичей, невозможно не упомянуть о берестяной грамоте 261–264, относящейся к 70–90 годам XIV века, найденной на Неревском раскопе и содержащей перечень свадебных даров, в том числе «От Богуславова» (261) и «Горислалица» (От Гориславича) (262), что дает основания предполагать деятельность неких Богуслава и Горислава в Неревском конце Новгорода в середине XIV века, вероятных потомков братьев [Зализняк 2004: 609].

гополучно достигнуть Ярослава во время бегства, и Коста Вячеславич [НПЛ:74], в котором хотелось бы видеть сына Вячеслава Гориславича, однако его захоронение в Хутынском монастыре говорит о том, что это сын Вячеслава Прокшинича, связанного с этим монастырем [НПЛ: 79, 307; Гимон 2001: 200].

В 1238 году жена Семена Борисовича ставит монастырь «у Святого Павла» (в Славенском конце) что говорит о том, что после поражения под Изборском и пребывания в Переяславле в качестве пленников [НПЛ:72] представители Борисовой чады вернулись в Новгород и продолжили свою деятельность [НПЛ:74]. В числе новгородцев, погибших при взятии Торжка монголо-татарами, летопись называет рядом Глеба Борисовича и Якима Влунковича, бывших противников [НПЛ:76].

Возвращаясь к вопросу о том, насколько знатным был род Гориславичей, мы можем сказать, что он не принадлежал к наиболее известным боярским новгородским родам (с чем связано и то, что братья никогда не выступают от имени города, уезжают из него во время зверств Внезда Водовика и не возвращаются, как остальные; их предки, жившие ранее, по летописи или берестяным грамотам не известны), продвижение их несомненно связано с личными связями с Ярославом Всеволодовичем, и если первоначально летописец указывает Вячеслава без отчества, как тысяцкого, то уже после ухода Богуслава с Михаилом появляются упоминания по отчеству, что может быть косвенным указанием на повышение статуса. Само семейство Гориславичей, без сомнения, стремилось выделить свой род и показать свою знатность.

Семейство Елевферьевичей Конец XIII – вторая половина XIV века

Ономастическую информацию еще об одном семействе можно найти в списке тысяцких, следующим за перечнем посадников, в тексте, предшествующем Комиссионному списку Новгородской первой летописи младшего извода.⁸

Трое лиц из этого списка имеют имена, начинающиеся с гласной «а» и отчество Елевферьевич (в летописи – Олферьевич): Андрѣан Елферьевич, Аврамъ Елферьевич и Анания Елеферьевич [НПЛ: 472]. Важно, что греческие имена с начальным «А-» в древненовгородском

⁸ А также в Новороссийском списке Новгородской четвертой летописи и в Уваровском списке Ермолинского летописца.

диалекте произносились с начальным «О-» [Зализняк 2004: 205], которое в то же время было и народным соответствием начального «Е-» (Евстафий/Остафий, Елена/Олена). Таким образом, канонические имена Андреян, Авраам, Анания и Елевферий в народном произношении начинались одинаково – на «О-». Исходя из того, что нам известно о традициях имянаречения в знатных семьях Древней Руси, самым вероятным было бы предположение, что все трое являются братьями, однако можем ли мы с уверенностью утверждать это? Летописные сообщения весьма скудны в описании деятельности этих лиц, однако небольшое количество информации о представителях этого семейства можно найти.

Деятельность **Андреяна Елевферьевича** на посту тысяцкого подтверждается Новгородской первой летописью и договором между Новгородом и Михаилом Ярославичем. Под 6794 (1284) годом находим следующее известие:

На зиму отгяша посадничество у Смена и даша Андрѣю Климовичю, а тысяцкое отгяша у Ивана и даша Андрѣяну Олферьевичю [НПЛ: 326].

Под 6801 (1293) годом Андреян упоминается в походе на шведский город в Карелии:

Того же говѣнья посла великий князь Андрѣи князя Романа Глѣбовича и Юрья Мишинича, Андрѣяна тысяцкого, в малѣ новгородцовъ к городу Свѣискому. [НПЛ: 328].

Он же фигурирует в грамоте 1304–1305 года к тверскому князю Михаилу Ярославичу [ГВНП 1949: № 7].

Аврам Елевферьевич нигде не упоминается в летописи по имени-отчеству. Однако есть многочисленные сведения о тысяцком Аврааме в статьях с 6836 (1328) по 6858 (1350) год:

И посла князь Иванъ свои послы, а новгородци от себе владыку Моисия и Авраама тысяцкого къ князю Александру въ Плесковъ, веляще ему, дабы пошелъ въ Орду, и не послуша. [НПЛ: 341, 6836 (1328) год].

Под 6848 (1340) годом упоминается сын Авраама, Федор:

...и Варфоломѣя, посадница сына Остафьева, и Федора Авраамова с полкы [НПЛ: 352].

Следующее упоминание под 6856 (1348):

И послаша новгородци к Магнушу Авраама тысяцкого, Кузму Твердиславля и иных боярь... Орѣховци же биша челомъ Аврааму, чтобы не ѣхалъ от них из городка [НПЛ: 359].

Также под 6858 (1350):

...и розмѣнишася Нѣмци, что поималѣ въ-Рѣховомѣ, Свѣю на Аврама и на Кузму [НПЛ: 362].

Об Авраме говорится также в грамотах №14, 37, 38, 85 ГВНП, в надписи на Васильевских вратах «при тысяцьком Аврааме», 1336 г., а также существует две печати «Аврамова тысячького» (№595а, 595аа) [Бассалыго 2008: 39, 56; Янин 1962: 181; Янин, Гайдуков (1998): 90].

Анания Елеферьевич не упоминается в летописи ни разу, поэтому о годах его жизни нельзя говорить с уверенностью.

Возможность объединения трех Елеферьевичей в одну семью осложняется тем, что их имена в списке перемежаются именами других тысяцких и неясно, какой хронологический период охватывают эти промежутки:

11. Андрѣанѣ Ельферьевич
12. Андрѣи
13. Еустафии
14. Иоаннѣ Федорович
15. Мишя Григорьевич
16. Анания Елеферьевич
17. Фалалѣи Андрѣановичѣ
18. сын его Матфеи
19. Елисѣи Онаньинич
20. Аврамѣ Елферьевич

Весь список тысяцких, насчитывающий 35 лиц (в Уваровском списке он продлен до 48), не может учитывать всех тысяцких, начиная с Милонегга, действовавшего в 70–80х годах XII века и до Даниила Михайловича, тем более, что в интересующий нас период эту должность получали одновременно несколько лиц, ее мог получать многократно один и тот же человек, что никак не отражено в списке. Как можно понять, наибольшее количество упомянутых в списке тысяцких относятся к первой трети XIII века – второй половине XIV века, так, третьим по счету представлен уже знакомый нам по первому эпизоду тысяцкий Вячеслав, а за ним следует Борис Негочевич, таким образом, представленная выше часть списка могла занимать сравнительно небольшой промежуток, охватывающий два – три поколения.

Учитывая все вышесказанное, ничто не мешает нам предположить, что Андреян Елевферьевич и Анания Елевферьевич были братьями, сначала должность тысяцкого занял старший Андреян, а затем младший Анания, после которого ее получил уже старший сын Андреяна, Фалалей, а затем и его сын, Матвей, затем сын Анании – Елисей. Однако невозможно представить, что уже после того, как на должности тысяцкого побывал внук Андреяна, ее занимает его брат – Аврам. В связи с этим вновь поднимается вопрос об идентификации последнего.

Как мы помним, оставивший столь яркий след в истории Новгорода тысяцкий Авраам в списке отсутствует, однако по предположению Л. А. Бассальго, он и является Аврамом Елевферьевичем, помещенным с нарушением хронологии в список 21-м номером вместо 14-го, перед Остафием, что подтверждается и тем, что Федор Данилович, занимавший одновременно с Аврамом должность посадника, смещается на хронологически более позднюю позицию в списке посадников [Бассальго 2008: 39–40]. Если Аврам займет 14 место, то он вполне может стать третьим – средним сыном Елевферия, который получил должность тысяцкого между старшим и младшим братьями. Однако составитель списка мог ошибиться не только с хронологией занимаемых должностей, но и с происхождением Авраама/Аврама, ошибочно приписав ему отчество Елевферьевич.

Рассматривая интересующих нас тысяцких с точки зрения их родства, Л. А. Бассальго предположил два допустимых варианта: братьями могли быть Анания Елевферьевич и Аврам Елевферьевич (если он не является летописным тысяцким Аврамом) или Андреян Елевферьевич и Аврам Елевферьевич, если последний все же является летописным Аврамом [Бассальго 2011: 61].

С нашей точки зрения, нет никаких препятствий видеть в Андрее и Анании двух братьев, тем более что тысяцкими после Анании становятся сначала потомки Андреяна, а затем – Анании, род этих двух братьев прочно держит в руках должность. Также представляется справедливым первое рассуждение Л. А. Бассальго о том, что знаменитый по летописям и грамотам Авраам не мог быть пропущен в списке, но при внесении его имени произошла ошибка: или же хронологическая, и он должен занимать 14 место перед Остафием, являясь средним по возрасту Елевферьевичем, или в том, что ему было приписано чужое отчество – и тогда к нашему семейству он не относится.

Второе поколение Елевферьевичей

Новгородская первая летопись повествует о первом (по-видимому, старшем) сыне Андреяна – Тимофее Андрееновиче, который погиб в столкновении у Торжка с князем Михаилом Ярославичем (в договоре с которым упомянут его отец ранее), пришедшем с татарами в 6823 (1315) году:

...бысть съча зла, и створися немало зла, избиша много добрыхъ муж и бояръ новгородскихъ: ту убиша Андрѣя Климовича, Юрья Мишинича, Михаила Павшинича, Силвана, Тимофѣя Андрѣянова сына тысяцско-го... [НПЛ: 94, 336].

В списке можно найти и второго сына Андреяна – Фалалея Андрееновича, также тысяцкого, имя которого замечательно сочетается с именем Тимофея, известного по летописи, а также упоминается сын Фалалея, внук Андреяна, Матвей [НПЛ: 472], он же фигурирует как степенной тысяцкий 6 грамотах [ГВНП 1949: № 15 (содержит печать Матвея Фалалеича), 17, 18, 42, 43, 45], в том числе в грамоте к Михаилу Александровичу, к немецким купцам.

Как можно заметить, имена трех потомков Андреяна: Тимофей, Матвей, Фалалей имеют одинаковое окончание и рифмуются между собой. Канонические формы первых двух имен – Тимофей и Матфей – образуют еще более близкую пару (здесь все согласные повторяются), а имя Фалалей начинается на звук «ф», присутствующий во второй части первых двух.

Также список упоминает тысяцкого по имени Елисей Онаньич, которого Л. А. Бассальго рассматривает как сына Анании Елевферьевича [Бассальго 2011: 61]. Елисей упоминается в летописи без отчества в 6879 (1371) году:

Того же лѣта ѣздиша на съѣздъ... Олисеи тысячкыи, Олександръ Колывановъ, и доконцаша миръ с Нѣмци под Новымъ городкомъ [НПЛ: 371],

и далее в составе делегации с челобитьем [НПЛ: 372], а также в двух грамотах [ГВНП 1949: 16, 44]. Как мы видим, начальные буквы его имени и имени его деда совпадают, а учитывая, что в новгородской среде все упомянутые имена – Елевферий, Андрейн, Анания, Елисей – могут произноситься, как начинающиеся на «О-», мы видим особую традицию в подборе имен именно этой семьи, имя Елисей также рифмуется с рассмотренными ранее именами двоюродных братьев и племянника. То, что до сына Анании – Елисея доходит очередь получить должность тысяцкого только после внука Андреяна – Матвея, а оба они появляются в источниках под 6879 (1371) годом, подтверждает наше предполо-

жение о том, что Андреян был старшим братом, а Анания – младшим, причем разница в возрасте была весьма существенной.

Также к нашему семейству относится известный по летописи Есиф Фалалеич – сын Фалалея Андреяновича, имя которого Есиф/Осип также повторяет начальную гласную имени прадеда Елевферия и пополняет список имен, начинающихся на «о» в этой семье. Есиф Фалалеич был сначала тысяцким, а затем посадником. Четверо его сыновей носили следующие имена: Фома, Миша, Василий и Афанасий, имена троих из них начинаются с тех же букв, что и ближайших старших родственников. О Есифе есть упоминание в летописи под 6896 (1388) годом:

Тои же осени, мѣсяца декабря въ 8, поиха владыка Иванъ на поставление владычества на Москву, позванъ послы от митрополита, а с нимъ бояръ новгородчких: посадникъ Василий Федорович и тысячкою Есифъ Фалалѣвич, Иевъ Обакунович... [НПЛ: 382, также 384 (среди лиц, возглавлявших посольство в Изборск), 389 (сообщение о смерти)].

Касательно потомков тысяцкого Авраама (если Аврам Елевферьевич и летописный – одно и то же лицо), то с большой вероятностью в статье 6853 (1345) речь идет о еще одном его сыне, Андрее:

Заложу владыка Василий святу Пятницу, что порушилася в великий пожаръ, повелѣниемъ раба Божиа, Андрѣя, сына тысяцкого, и Павла Петриловица [НПЛ: 357].

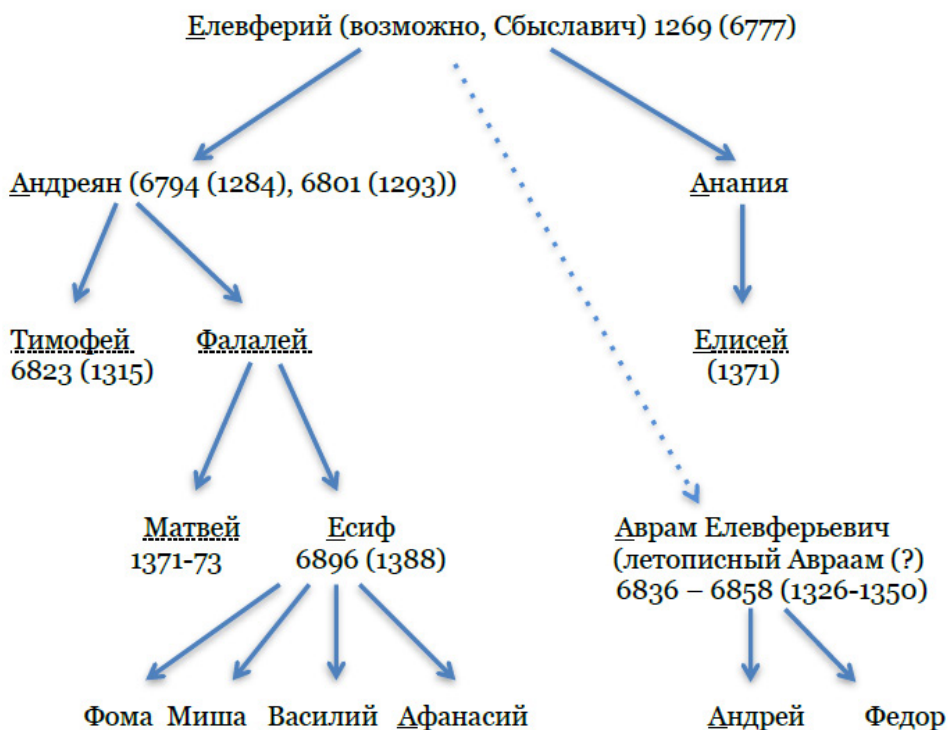
Возникает еще один вопрос – кем мог быть тот самый Елевферий, сыновья и потомки которого сыграли столь значительную роль в политической жизни Новгорода?

В конце XIII в Новгородской первой летописи упоминается о двух Елевфериях – Лазоревиче [НПЛ: 90, 329] и Сбыславиче [НПЛ: 85, 315, 318]. О Елевферии Лазоревиче говорится в связи с его гибелью во время пожара, а Елевферий Сбыславич возглавлял поход новгородцев на Литву, что, возможно, послужило возрастанию его авторитета среди горожан и позволило его сыновьям получить значимые должности, несмотря на последовавший конфликт с князем, что, конечно, остается на уровне предположения.

Итак, перед нами семейство тысяцких, с большим искусством использующее при наречении имен созвучие и рифму. Летопись подтверждает деятельность Андреяна Елевферьевича, его сына Тимофея, внука Есифа, а также сына Анании – Елисея Ананьича. Имена тысяцких Андреяна Елевферьевича, Матвея Фалалеича и Елисея Ананьича содержатся в сохранившихся договорных грамотах. Для построения родственных связей мы пользуемся информацией из списка о брате Ан-

дреяна, Анании Елевферьевиче – отце Елисея, о том, что Фалалей был сыном Андреяна, а Матвей – сыном Фалалея. О родстве по отношению к этому семейству Аврама и его потомков можно говорить лишь предположительно, так как для этого необходимо исходить из того, что составитель списка совершил хронологическую ошибку.

В качестве заключения скажем, что небольшой экскурс позволил нам увидеть судьбы двух семей, члены которых занимали должность тысяцкого в конце первой трети XIII века и в самом конце XIII – второй половине XIV века.



Судьба первой трагична: сторонникам Ярослава Всеволодовича Гориславичам пришлось претерпеть от приверженцев черниговских князей – Борисовой чади и Внезда Водовика. Семья перебралась в Псков, братья оказались в плену, а младший из них погиб во время битвы под Изборском, о третьем поколении Гориславичей ничего не известно. История второй семьи гораздо более успешна – должность тысяцкого переходит в ней от старшего брата к младшему, затем к сыну и внуку старшего, а затем – к сыну младшего брата. Правнук старшего сына становится уже посадником, как и трое его сыновей.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- HALLDORSON, B. (1987): *Brennu-njáls saga. Íslendinga sögur og þættir*. Ed. by Bragi Halldórsson. Svart á Hvítu.
- LEUSCHNER, J. (1980): *Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur*. Berlin: Duncker & Humbolt.
- БАССАЛЫГО Л. А. (2008): Новгородские тысяцкие. Часть 1. In: *Новгородский исторический сборник*. Вып. 11 (21). Санкт-Петербург, с. 33–67.
- БАССАЛЫГО Л. А. (2011): Новгородские тысяцкие. Часть II. Тысяцкое с середины XIV до второй четверти XV века (вторая часть Списка В). In: *Новгородский исторический сборник*. Вып. 12 (22). Санкт-Петербург, с. 37–62.
- БУРОВ, В. А. (1994): *Очерки истории и археологии средневекового Новгорода*. Москва: Российская академия наук. Институт археологии.
- ГВНП (1949): *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Под ред. С. Н. Валка. Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- ГИМОН Т. В., ГИППИУС, А. А. (1999): Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи. In: *Новгородский исторический сборник*. Санкт-Петербург. Вып 7 (17), с. 18–47.
- ГИМОН, Т. В. (2001): Летописные данные о новгородском семействе Малышевичей: Конец XII – первая половина XIII в. In: *Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.) Доклады второй научной конференции (Москва, 7–8 декабря 1999 г.)*. Москва: Древлехранилище, с. 187–196.
- ГИППИУС, А. А. (2006): Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюргиничей-Роговичей). In: *Slavica Helsingiensia*. № 27, Helsinki, с.93–108.
- ЗАЛИЗНЯК, А. А. (2004): *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки славянской культуры.
- ЗАЛИЗНЯК, А. А. (2004)а: *Слово о полку Игореве*. Москва: Языки славянской культуры.
- КУЧКИН, В. А. (2006): Ранние свидетельства о сотских и сотнях. *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. Вып. № 1 (23), с. 10–17.
- ЛИТВИНА, А. Ф., УСПЕНСКИЙ, Ф. Б. (2006): *Выбор имени у русских князей*. Москва: Индрик.
- ЛУКИН, П. В. (2014): *Новгородское вече*. Москва: Индрик.
- НАЗАРОВ, В. Д. (2009): Стольники средневековой Руси (XIII–XV вв.). In: *Хорошие дни... памяти Александра Степановича Хорошева*. Под редакцией А. Е. Мусина. Великий Новгород, Санкт-Петербург, Москва, с. 358–367.
- НЕСИН, М. А. (2013): К вопросу о социальной сущности новгородских тысяцких и месте института тысяцких в политической системе средневекового Новгорода. In: *Новгородика 2012. Материалы IV международной конференции*. Ч. 1. Новгород, с. 184–190.
- НЕСИН, М. А. (2015): Институт Тысяцких в историографии. In: *Научные технологии*. Гуманитарные науки. № 11–12. <http://www.vipstd.ru> (1.07. 2016).
- НЕСИН, М. А. (2015)а: Новгородские тысяцкие в XIII в. In: *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. № 11. том 2, с. 143–146.

- НПЛ (1950): *Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов*. Под редакцией и предисловием А. Н. Насонова. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.
- ПСРЛ Т. II (1998): *Полное собрание русских летописей Т. II Ипатьевская летопись*. Москва: Языки славянской культуры.
- СМИРНИЦКАЯ, О. А. (1994): *Стих и язык древнегерманской поэзии*. Т.1. Москва: Издательство Московского Университета.
- ТОЛОЧКО, П. П. (2011): *Власть в Древней Руси. X – XIII века*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- УСПЕНСКИЙ, Ф. Б. (2002): *Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки*. Москва: Языки славянской культуры.
- ЯНИН, В. Л. (1962): *Новгородские посадники*. Москва: Издательство Московского Университета.
- ЯНИН, В. Л. (1981): *Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование*. Москва: Наука.
- ЯНИН, В. Л. (1991): *Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий*. Москва: Наука.
- ЯНИН, В. Л. (2014): *Новгородские тысяцкие. Древняя Русь в средневековом мире*. Москва: Ладомир.
- ЯНИН, В. Л., ГАЙДУКОВ П. Г. (1998): *Актовые печати древней Руси X–XV вв.* Т.3. Москва: Интрада.

Профиль автора:

Лавренченко Мария Леонидовна – соискатель Института Славяноведения РАН, специализируется на изучении социальных практик конструирования родства в Средневековой Европе, текстологии древнейших русских летописей.

Россия

Москва 119991

Ленинский проспект, д.32а

Институт Славяноведения РАН.

Отдел типологии и сравнительного языкознания.

<http://www.inslav.ru>

lavrenchenko1@yandex.ru

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ

Украина, Ровно

**ДРАМАТИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД «ЕЛЕНА»
В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА
КОНДРАТЬЕВА**

ABSTRACT:

Dramatic episode “Elena” in the context of Alexander Kondratiev works

The article deals with the little-known “dramatic episode” “Elena” written by a Russian poet and writer Alexander Kondratiev (1876–1967). It was printed in 1917 and republished only in 2012. The article discusses the creative history of “Elena”, examines its close connection with a short story “Pirithous” and five poems dedicated to Helen of Troy (“Paris to Achilles”, “By the shores of Ilion”, “After the contest”, “Paris on fire”, “Helen of Sparta”) which were created by Kondratiev earlier. Their mutual motives and images in poetic and dramatic texts, the peculiarity of Kondratiev’s versification (metrics) are considered.

KEY WORDS:

Alexander Kondratiev – drama – “dramatic episode” – creative history – myth – Helen of Sparta – Paris – “the twin texts” – verse – versification – metrics – motive – plot.

Научная проблема «Кондратьев и драматургия» / «Кондратьев и театр» на сегодняшний день совершенно не изучена. Объяснить это можно довольно просто: единственное известное нам произведение А. Кондратьева для сцены было напечатано в 1917 году и почти столетие находилось в состоянии весьма ограниченного доступа. И лишь в 2012 году произведение это – драматический эпизод «Елена» – переиздано в третьем выпуске Кондратьевского сборника [Кондратьев 2012: 243–260] и, смеем

надеяться, должно наконец-то привлечь к себе внимание литературоведов и театроведов.

О творческой истории пьесы Кондратьева мы не располагаем достаточными сведениями. «Елена» была напечатана в Петрограде, в издательстве Государственной типографии небольшим тиражом (400 экземпляров), и отклик самого автора (пока единственный, известный нам) на ее выход можно обнаружить в письме к Борису Беру от 7 июня 1917 года: «Если зрение Твое позволяет еще Тебе читать и Ты еще не отрекся от мира, был бы рад послать Тебе небольшую драматическую вещь (мою)» [Кондратьев 2006]. Кроме того, в Пушкинском Доме содержится кондратьевский инскрипт на одном из экземпляров книги: «Старому товарищу, дорогому Александру Александровичу Блоку – на добрую память – автор. 16. XII. 1917» [Блок 1980: 554].

Однако на некоторые любопытные факты, связанные с творческой историей «Елены», хотелось бы обратить внимание. Первый из них можно обнаружить в письме Кондратьева к поэту Александру Ивановичу Тинякову¹ от 18 июня 1914 года. В нем среди прочих интересных сведений, касающихся творчества как собственного («Написал в Поповке два мифологических рассказа и сдал их в Огонек»), так и собратьев по перу («прочел... *Четки* Ахматовой и *Эмали и камеи* в переводе Гумилева. Там и здесь есть удачные места, но канонизировать Анну Андреевну, чем занимаются некоторые, – рановато» (цит. по: [Топоров 1990: 202]²), содержится важное признание: «До сих пор не мог собраться исправить и переписать 2 драматических своих произведений» [Топоров 1990: 203].

Возникает закономерный вопрос: о каких двух драматических произведениях сообщает своему корреспонденту А. Кондратьев? Естественно допустить, что одно из них – вышедшая в 1917 году «Елена». Что же касается второго, можно лишь высказывать предположения, поскольку ни в одном другом из доступных нам писем Кондратьева его драматургическая деятельность не освещается совсем. Попытаемся все же выдвинуть собственную версию.

В сохранившемся письме редактору журналу «Огонек» Владимиру Александровичу Бонди от 13 апреля 1916 года А. А. Кондратьев замеча-

¹ В рукописном отделе РНБ (г. Санкт-Петербург) хранится 28 писем А. А. Кондратьева А. И. Тинякову (ф. 774, ед. хр. 20).

² Схожую мысль Кондратьев высказывает и в письме Б. А. Садовскому от 7 июля 1914 г.: «У него, т.е. В. Н. С<оловье>ва брал *Четки* Ахматовой и *Эмали и камеи* Н. С. Гумилева. Первое понравилось больше, хотя, все-таки Анне Андреевне далеко до мировой славы, которую ей стараются снискать ее многочисленные поклонники» [Топоров 1990: 205].

ет: *«Мне давно бы пора приступить к изданию целых двух сборников своих рассказов (один – на темы из славяно-русской мифологии, другой – на античные темы), но все некогда. А после войны, весьма возможно, пойдут требования на иные темы, к которым я не расположен»* [Топоров 1990: 232]. Нам известно, что ни один из этих сборников, к сожалению, так и не вышел, как известно и то, что «иным темам» (не связанным со славянской и античной мифологией) писатель, за редким исключением, своего внимания не уделял. Однако через год после этого признания В. А. Бонди и три года после признания А. И. Тинякову А. Кондратьев издает один из своих драматических опытов «Елена» – пьесу на античную тему. Рискнем предположить, что второй, доселе неведомый нам опыт, касался второй тематической сферы автора: он вполне мог быть «из славяно-русской мифологии». Более того, это неизвестное сочинение могло, наряду с ранними рассказами Кондратьева на славянскую тему (например, рассказом «Домовой»), стать звеном в цепи создания его основного произведения – романа «На берегах Ярыни», об истории замысла и написания которого также известно не слишком много.

Возможно, данное предположение покажется менее авантюрным, если мы обратимся еще к одному эпизоду из творчества Александра Кондратьева, напрямую связанному с историей создания драмы «Елена». 22 апреля 1914 года Кондратьев создает стихотворение «Елена Спартанская». Обе «Елены» – поэтическая и драматическая – представляют собой типичные «близнечные тексты», весьма характерные для творчества писателя в целом. Ю. Орлицкий в своей статье «Близнечные тексты» в стихах и прозе А. А. Кондратьева» [Орлицкий 2008: 14–23] убедительно продемонстрировал, «как один и тот же автор, пишущий параллельно прозу и стихи, мастерски использует возможности этих словесных искусств для изображения аналогичных героев и ситуаций» [Орлицкий 2008: 23]. Так что, думается, вполне логично предположить существование еще одного близнечного текста в творчестве Кондратьева: романа «На берегах Ярыни» (или же другого, возможно, неизвестного нам либо так и не созданного произведения на тему славянской мифологии) и более ранней его драматической версии.

Впрочем, история своеобразной «Еленианы» Кондратьева восходит не к «Елене Спартанской». Впервые упоминание о прекрасной Елене содержится в одном из ранних рассказов писателя «Пирифой» (1899–1900), который вошел в книгу «Белый козел». В нем два друга, два царя Пирифой и Тезей спускаются в Тартар: они «задумали страшное дело: похитить Персефону, жену Гадеса» [Кондратьев 1993: 160]. И чтобы

«подавить томящую скуку» после того, как они попадают в плен, друзья развлекают себя воспоминаниями: «А ты помнишь, Пирифой, как мы ловко похитили дочь Леды Елену? Помнишь, как мы ее прятали у меня в Афинах... Право, досадно, что мы ее так скоро отдали назад братьям. Мне не хотелось тогда ссориться с ними... [Кондратьев 1993: 170]». Тот же Тезей узнает в скорбном призраке «некогда прекраснейшую из человеческих жен»: «Это жена спартамца Тиндара, мать златокудрой Елены, которую мы когда-то похитили! Она нас не узнала» [Кондратьев 1993: 171]. И Елена, и Леда играют в рассказе хотя и значимые, но все же эпизодические роли, выступая фоновой частью известных мифов о похищении Елены (традиция приписывала его именно Тезею и Пирифою) и ее матери Леде (Кондратьев приемлет именно этот, более распространенный вариант мифа, а не версию по поводу Немезиды как матери Елены³).

Трижды к образу Елены обращается Кондратьев во второй книге стихов «Черная Венера» (1909): в стихотворениях «Парис Ахиллесу», «К берегам Илиона» и «После состязания».

Стихотворения «К берегам Илиона» и «Парис Ахиллесу» составляют своеобразную дилогию, поскольку они связаны не только тем, что обращены к Елене Спартанской, но в первую очередь общностью формы: оба они представляют собой монологи Париса.

Один из них («К берегам Илиона», 1907) соотносится с событием, ставшим поводом к Троянской войне. Парис плывет на корабле к берегам Трои с похищенной Еленой. Герой предвидит радостные события на родине: встречу с престарелыми Приамом и Гекубой, приветственные хоры юношей и восторженные лики девушек, которые выйдут с ветвями оливы, царственный пир и эпиталамы... Однако, радость возвращения омрачена: Елена печальна («Снова глаза твои томной печалью Полны, Елена»), и причины этой грусти Парису непонятны:

Тихою вечера скорбью объята,
Ты на корме неподвижно застыла.
Лик твой, победный и гордый когда-то,
Никнет уныло.

Грусть ли твоя то по брошенном доме
Или то тяжесть предчувствия злая?

³ О соотношении традиционных и новаторских трактовок образов античной мифологии в творчестве Кондратьева см. в статье С. И. Кормилова «Античные боги как персонажи прозаических произведений А. А. Кондратьева» [Кормилов 2012: 6–24].

Вспомнила ль ты о пьянящей истоме
Уст Менелая?⁴

Так, за десять лет до создания драматического эпизода «Елена» его лейтмотив впервые артикулируется в стихотворении Кондратьева. Это мотив – постоянной грусти, тоски, глубокой скорби Елены – проходит сквозь всю пьесу и, безусловно, усиливается в ней. Елена в драме не только грустна и задумчива, как в стихотворении, она предстает уставшей и опустошенной: *«С тех пор, как Деифоб, захватив в городе власть, вырвал у старца Приама согласие взять меня в жены, я вижу только тяжелые сны»* (Тут и далее «Елена» А. Кондратьева цит. по: [Кондратьев 2012: 243–260]).

Наряду с этим сквозным мотивом, стихотворение и пьесу Кондратьева связывает еще один. Парис в своем стихотворном монологе просит печальную Елену покориться Афродите, волю которой он исполнил:

Так покорись же бессмертной богине
И улыбнись мне, печаль отгоняя.
Помни, что всюду с тобою отныне
Я, дорогая!

<...>

Волю твою я исполнил, Киприда:
Мне обреченная рядом со мною
Дочь Тиндарея, теперь Приаида,
Будет женою...

Этот мотив подчинения воли «бессмертной богине» развивается в драматическом эпизоде. В первой части пьесы Елена выглядит вполне послушной и даже обреченной. Своему мужу Деифобу она говорит: *«Я покорна воле богини. Она направляет путь мой и заставляет переходить с ложа на ложе»*. Питающего к ней страсть Гелену сознается, что любовь – *«иго, в которое неумолимая Афродита впрягает нас вместе с другим человеком, как пару коней в колесницу»*. В конце эпизода она обращается к богине в молитве: *«О Афродита! Сердце мое – игрушка в беспощадных дланях твоих. Оно трепещет как птичка, чуя недоброе... О Афродита, всевластная богиня, каким только испытаниям ты ни подвергала меня и каким еще новым хочешь подвергнуть?!»*

⁴ Тут и далее стихотворение А. Кондратьева «К берегам Илиона» цит. по: [Кондратьев 2001: 124–125].

Однако уже во второй части Елена от покорности переходит к открытому бунту. Вспоминая о том, что она сама дочь Зевса, героиня не желает больше быть игрушкой в руках той, кому только что, казалось бы, всецело покорялась:

ЕЛЕНА (оглядевшись вокруг, вновь идет к нише и, вынув оттуда статую Афродиты-Астарты, принимается за прерванную молитву).

О, Златотронная, Пенорожденная, ненасытная и беспощадная богиня! Сложив на ложе, от объятий к объятиям заставляешь ты переходить злосчастную жертву твою. Вырвав меня у Фезея, ты отдала сердце мое белокурому Менелаю, заставила о нем позабыть и бежать с изнеженным любимцем твоим на холмы Илиона. И теперь, когда не покрылся еще зеленой травой могильный курган Александра-Париса, ты принуждаешь меня делить ненавистное ложе брата его... За кем же теперь черед получить тело мое?!

(Из темной ниши в стене появляется Афродита).

АФРОДИТА. Ты пойдешь туда, куда я хочу, и будешь любить тех, кого я велю.

ЕЛЕНА. Пощади!

АФРОДИТА. Женщина, непреложна воля моя.

ЕЛЕНА. Я не просто женщина. Я – дочь вседержителя Зевса и не хочу больше быть игрушкой Твоей. Если Ты предназначила меня Гелену, то знай – этого не будет. Я готова скорей удавиться...

АФРОДИТА. Если тебе суждено умереть от петли, ты ее не избежишь в свое время. А теперь ты пойдешь, куда я хочу, и будешь любить тех, кого я велю (исчезает).

ЕЛЕНА. Увидим. Быть может, найдутся на земле страны, где воля твоя не так непреложна и где царят иные, более чем ты милостивые боги (убирает статую в нишу).

Таким образом, мотив грусти и необъяснимой печали Елены, лишь заявленный в стихотворении 1907 года, логично и достаточно ярко и разнообразно развивается в драматическом эпизоде года 1917.

Отметим также особенности стиха «К берегам Илиона». Как справедливо отмечал Ю. Орлицкий, «в целом метрика Кондратьева отчетливо ориентирована на передачу средствами русского стиха особенностей античного стихосложения. Что вполне подтверждается как тематикой многих стихотворений поэта, так и его устойчивым интересам к переводам античной поэзии, как в прошлом говорили, «размером подлинника» [Орлицкий 2010: 59]. Кондратьев пишет «К берегам Илиона» дак-

тилем – метром, который в русской традиции соотносился именно с античной метрикой в целом (и прежде всего гексаметром в частности). Более того, он создает своеобразную тоническую имитацию античного логаяда, а именно сапфической строфы. Строфу, которая состояла из трех 11-сложных строк и заключительной 5-сложной (так называемого Адония) и нередко имитировалась русскими поэтами от Симеона Полоцкого до Валерия Брюсова [Лотман 2008: 24–53], поэт умело применяет для создания античной стилизации и мифологического колорита.

Стихотворение «Парис Ахиллему» (1909), содержащее посвящение В. Я. Брюсову, написано пятистишием, построенным на двух рифмах (аБааБ), и достаточно часто встречающимся у Кондратьева четырехстопным хореем.⁵ Этот второй монолог Париса, как явствует из самого заголовка, обращен непосредственно к заклятому врагу Ахиллему. Согласно распространенному мифу, именно Парис поразил стрелой неуязвимого Ахиллеса, который после победы над множеством врагов дошел до Скейских ворот Илиона (по другим вариантам, Ахиллес был убит самим Аполлоном или же стрелой Аполлона, принявшего облик Париса). У Кондратьева разгневанный Парис напоминает охотника, выслеживающего свою жертву:

Как ливийский лев, из грота
В тихий дол, где ждет охота,
Выхожу к тебе, Пелид.⁶

Парис призван к последнему для Ахиллему бою не только небесными силами («*Биться насмерть в той долине Некий бог меня зовет*», «*Суд Зевеса непреложен*»), но и движим жаждой мести за убитого брата Гектора:

Средь багряного тумана
Не напрасно снился мне
Ночью брат... На горле рана...
Возле свежего кургана
Будет месть сладка вдвойне...

⁵ По подсчетам Ю. Б. Орлицкого, доля хореев в метрическом репертуаре Кондратьева «в процентном отношении значительно выше среднестатистической: на 33 ямба (19,8 % репертуара в целом) приходится 20 хореев (11,9 %). При этом решительно преобладают четырех- и пятистопные метры, только одно стихотворение написано длинным (X8) и одно – с использованием короткого (Я5/2)» [Орлицкий 2010: 60].

⁶ Тут и далее стихотворение А. Кондратьева «Парис Ахиллему» цит. по: [Кондратьев 2001: 122–123].

Но в финале стихотворения Кондратьев вводит еще один личный, психологический мотив своей охоты. В заключительном пятистишии возникает яркий образ жены Париса Елены:

Пав у трупа на колени,
Меч мой кровью напою,
И, придя в родные сени,
Гордо под ноги Елене
Брошу голову твою...

Оба стихотворения из «Черной Венеры», бесспорно, являются пролегоменами к драматическому эпизоду Кондратьева. Во-первых, они принадлежат к образцам ролевой лирики. Нам уже доводилось писать о значимости ролевой лирики в сонетах А. Кондратьева [Васильев 2010: 89–94]. Здесь отметим лишь, что стихотворения-монологи также приводят к очевидной *драматизации* лирического произведения. А это в свою очередь можно рассматривать как этап в творческой истории драматической «Елены».

Во-вторых, весьма примечательно (и даже, на первый взгляд, несколько странно) другое: в структуре стихотворной книги «Черная Венера» «К берегам Илиона» и «Парис Ахиллесу» расположены в обратном порядке. Это нарушает не только и не столько хронологию их создания (1907 и 1909 годы), что для композиции лирического цикла вовсе не является обязательным условием, сколько, так сказать, фабульное время этой условной диалогии. Ведь за стихотворением, повествующем об эпизоде более позднем (убийство Парисом Ахиллеса), в книге следует стихотворный текст, отображающий эпизод более ранний (Парис и Елена плывут к берегам Трои). И это представляется вовсе не случайным. Такая ретроспективная композиция избрана Кондратьевым вполне сознательно, о чем ярко свидетельствуют следующие факты.

Прежде всего, обратим внимание на то, что из 43 стихотворений, входящих в книгу, только три (!) содержат дату создания. При этом, два из них – как раз «Парис Ахиллесу» и «К берегам Илиона» (третье стихотворение, содержащее дату написания, «Вечер в Афинах», 1906 г.). Безусловно, датировка является маркером не только возможности, но и необходимости восприятия текста именно подобным образом и в подобном порядке. Следовательно, проставляя даты как неотъемлемые части такого феномена текста, как заголовочно-финальный комплекс, Кондратьев настаивает на такой ретроспективной хронологической и логической последовательности.

Наконец, в соотносимом с «дилогией» драматическом эпизоде «Елена» также нередки случаи ретроспективного освещения событий. Например, в начале пьесы Елена в разговоре со своей служанкой Эфрой вспоминает о перипетиях своей судьбы и о своей первой настоящей любви – к ее сыну Фезею: *«Почти девчонкой унес он меня, когда я плясала с подругами у алтаря Артемиды, и посвятил меня в тайны любви. Этого я никогда не забуду. Как я страдала, узнав, что Атриды принесли в жертву в Авлиде Ифианассу, мою милую, втайне рожденную, дочь от него, которую добрая Клитемнестра объявила своей... Я уничтожила таблички, присланные мне сестрой через тирских купцов. Она мне клялась, что неповинна в смерти малютки моей и защищала ее как горная львица. По словам Клитемнестры, Агамемнон подозревал, что не он отец Ифианассы. В ответ я написала сестре все, что известно у нас от пленных про Агамемнона и Бризеиду...»*.

Нынешний супруг Елены Деифоб обстоятельно рассказывает Елене историю безумия Кассандры и Гелена: *«В детстве их позабыли однажды вечером у алтаря Фимбрейского Феба и спохватились лишь поутру. Когда к ним подошли, оба ребенка были тесно обвиты змеями, которые лизали им черными жалами уши и лица. Вероятно от испуга, Гелен и Кассандра повредились в рассудке; в дни общей радости они прорекуют обычно горе и веселятся, если страну постигает несчастье. Гелен поврежден меньше, он даже способен сражаться... но не водить в бой фаланги. Я хорошо поступил, отстранив его от совета вождей. В безумной злобе он убежал в лесистую Иду и там стал прорицать ахейским вождям. Те пощадили его жизнь и, говорят, отпустили на волю»*.

А во второй части произведения он же, говоря Гелену о своей непричастности к гибели Париса, вспоминает о прошлых событиях: *«Старик же вместе с Приамом готовы были золотом купить мир, постыдный для богов Илиона. Они хотели отдать ахейцам на позорную казнь белорукую дочь Тиндара, ради улыбки которой вкусили смерть сотни героев...»* и т.д.).

Как видим, в «Елене» удельный вес ретроспекции весьма высок, что приводит к динамике соотношения сюжетного и фабульного времени. Это, кстати сказать, неожиданно сближает кондратьевскую пьесу с рядом драматических текстов «новой драмы» (прежде всего, с произведениями Г. Ибсена), а также театра абсурда (особенно С. Беккета и Г. Пинтера), в которых наблюдаются разнообразные формы организации сюжетно-фабульного единства: от ретроспективной подачи сю-

жета («Предательство» Пинтера) до параллельного ряда воспоминаний («Игра» Беккета) (см. подробнее [Васильев 1998: 4–7]).

Наряду с двумя стихотворными монологами Париса, в «Черной Венере» есть еще одно поэтическое произведение, также имеющее отношение к «Елениане» Кондратьева, правда, более косвенное. Оно носит название «После состязания» и размещено почти в самом конце книги. Стихотворение посвящено любовному томлению Париса и Афродиты, последовавшему за Парисовым судом. «*Покраснев от злости и обиды, Удалились Гера и Паллада*» [Кондратьев 2001: 156–157], а сын Приама и Гекубы сидит с богиней любви в тени. Он «*объят безумною мечтою*», пылает к ней страстью, и в этом любовном томлении «*он Елены больше не желает*». Завершается стихотворение тем, что полная мимолетным капризом Киприда решает разделить с Парисом его страсть.

К образу Елены Кондратьев обращается и в более позднем поэтическом творчестве. В третьей, посмертной книге стихов, изданной в 1990 г. Вадимом Крейдом под названием «Закат», почти соседствуют два стихотворных текста, относящихся к «Елениане»: «Парис на костре» и вышеупомянутая «Елена Спартанская».

«Парис на костре», по свидетельству В. Крейда, впервые был напечатан в альманахе «Грифа» за 1914 год [Кондратьев 1990: 43]. Как и в трех упомянутых текстах «Черной Венеры», Кондратьев обращается к сыну Приама и Гекубы, только теперь уже мертвому. В руке Приама светит погребальный факел, прекрасное тело убитого стрелой Филоктета Париса скоро станет черным пеплом. В чеканных строках, описывающих похоронный обряд «любимца ветреной Киприды», призрак которого «*сойдет без страха в тень Аида, На земле оставив скорбь и злобу*», поэт вновь обращается к Елене (он именует ее Тиндаридой):

Пусть на ложе мягком Тиндарида
Отдается пылко Деифобу,
Пусть забудет даже про Париса,
Нового любовника лаская...

[Кондратьев 1990: 21]

Здесь А. Кондратьев как бы перебрасывает мостик к драматическому эпизоду 1917 года, в котором Елена изображена как раз в тот период, когда супругом ее является брат убитого Париса Деифоб.

Наконец, в том же 1914 г. Кондратьев создает стихотворение «Елена Спартанская». Именно его можно назвать как центральным в своеобразной стихотворной пенталогии о Елене, так и основным звеном на пути к драматическому тексту:

Деифоб и Гелен пред тобою скрестили мечи:
Застучали клинки и упал Деифоб бездыханный.
И к Киприде своей ты воззвала: «Богиня, умчи
Меня прочь из Троицы, всегда мне враждебной и странной!

Ах, умчи меня прочь от долины, где Ксанф и Скамамдр
Непрестанно уносят все новые трупы героев,
От кургана, где рядом с Эноною спит Александр,
И от этих унылых, постылых мне брачных покоев!

Не хочу ни мужей, ни любовников больше иметь!
Дай забыть навсегда мне среди незнакомого края,
Как вонзается в тело мне близкое острая медь,
И темнеет горячая кровь, за меня пролитая!

Я довольно игрушкой твоею была. Пощади!
Многим милым тебе как подарок давалась Елена.
Ах, имей состраданье и дай мне не знать впереди
Ни Атридовой ревности мук, ни безумных желаний Гелена!

Пусть меня не берет то один, то другой Приамид!
Не хочу называться я больше ничьею женою!..»
И, услышав твой вопль, Афродита в страну пирамид
Унесла тебя тайно, скользя над морскою волною.

[Кондратьев 2001: 187]

Если сравнить этот текст с текстом драматическим, заметной будет близость на разных уровнях: сюжетном, персонажном, стилевом. Так, в пьесе повторяется изображенный в самом начале стихотворения поединок братьев – Деифоба и Гелена. Царь Деифоб, по авторской ремарке, «*обнажает меч и наступает на Гелена, который тоже вынимает оружие*». После недолгого «состязания в речах» они дерутся. «*Гелен, пригибаясь к земле, делает прыжок хищного зверя и наносит удар. Деифоб падает заколотый; Гелен, раненый, опускается в кресло*».

В молитве Елены к Афродите, занимающей центральное место в стихотворении (примечательно, кстати, что первоначальным вариантом заглавия «Елены Спартанской» была «Жалоба Елены»), содержатся прямые текстовые переключки с молитвами героини драматического эпизода. «*Я довольно игрушкой твоею была. Пощади!*» – говорит

Елена в стихотворении; «*Сердце мое – игрушка в беспощадных дланях твоих*», – говорит Елена в пьесе. В стихотворении Елена просит богиню умчать ее прочь «от кургана, где рядом с Эноною спит Александр». В пьесе Елена обращается к Афродите: «И теперь, когда не покрылся еще зеленой травой могильный курган Александра-Париса, ты принуждаешь меня делить ненавистное ложе брата его».

В обоих текстах Елена жалуется на то, что по воле богини любви переходила из рук в руки. В стихотворении: «*Многим милым тебе как подарок давалась Елена. Ах, имей состраданье и дай мне не знать впереди Ни Атридовой ревности мук, ни безумных желаний Гелена! Пусть меня не берет то один, то другой Приамид!*» В пьесе: «*С ложа на ложе, от объятий к объятьям заставляешь ты переходить злосчастную жертву твою. Вырвав меня у Фезея, ты отдала сердце мое белокурому Менелаю, заставила о нем позабыть и бежать с изнеженным любимцем твоим на холмы Илиона*».

В обоих текстах Афродита прислушивается к молитвам Елены, какую бы форму они не носили: будь то жалобы в стихотворении либо отчаянная попытка бунта в драме. В финале текста 1914 г. «*И, услышав твой вопль, Афродита в страну пирамид Унесла тебя тайно, скользя над морскою волною*». В финале текста 1917 года Афродита помогает Елене с Эфрой покинуть мегарон. Она «*молча показывает... на входную дверь, куда в тот же миг начинают прокрадываться с узлами в руках Елена и Эфра*», а когда те – во время поединка Деифоба и Гелена – «*выскакивают на улицу*», «*Афродита улыбается им вслед и исчезает*». Можно констатировать, что А. Кондратьев использует тут знаменитый прием античного театра *deus ex machina*.

Отметим также, что античный колорит стихотворения вновь создается семантическим ореолом используемого метра. Поэт применяет здесь форму пятистопного анапеста. Как и дактиль, анапест в русской стихотворной традиции также ориентирован на античную поэзию. По подсчетам Ю. Орлицкого, в поэзии А. Кондратьева именно анапест занимает лидирующее положение среди трехсложников (52 стихотворения, 31%) [Орлицкий 2010: 59].

Таким образом, Кондратьев в своих стихотворениях обращается к Елене Прекрасной пять раз, как бы повторяя предсказанное ей мойрами число мужей.

Следует отметить, что к образу Елены обращались многие поэты – современники А. А. Кондратьева, как русские (К. Бальмонт, «К Елене», 1903, В. Брюсов, «Елена у Париды», 1924, О. Мандельштам, «Бессонница. Гомер. Тугие паруса», 1915, «Золотистого меда струя из бутылки тек-

ла...», 1917, «Я скажу тебе с последней прямою...», 1931, М. Цветаева, «Двое», 1924, третье стихотворение из цикла «Под шалью», 1924), так и зарубежные (П. Валери, «Елена, царица печальная», 1920, У. Б. Йейтс, «Во времена Елены», 1914). Весьма плодотворным представляется исследование сходных мотивов и образов Кондратьева и других художников.

Еще одной темой будущих исследований может стать сопоставление драматического эпизода А. Кондратьева с пьесами современных ему драматургов, обращавшихся к Елене Прекрасной. В этом отношении продуктивным было бы сравнение «Елены» Кондратьева со стихотворной пьесой Эмиля Верхарна «Елена Спартанская» (которая могла быть известна Кондратьеву в русском переводе Брюсова) и с драмой «Троянской войны не будет» представителя французской интеллектуальной драмы Жана Жироду.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БЛОК, А. (1980): *Новые материалы и исследования*. Книга первая, Литературное наследство, Том 92, в 4 книгах, Москва: Наука.
- ВАСИЛЬЕВ, Е. (2010): А. А. Кондратьев и П. Д. Бутурлин: Диалог в сонетах (формы выражения лирического субъекта и техника стиха). In: *Александр Кондратьев: исследования, материалы, публикации*, вып. 2, отв. ред. Е. М. Васильев, Ровно: Гедеон-принт, 2010, с. 89–94.
- ВАСИЛЬЕВ, Е. (1998): Типы сюжетной организации в «театре абсурду» (на материале драматургии С. Беккета). In: *Филологічні студії: Збірник наукових праць*, вип. 3, Луцьк: Волинський Академічний Дім, с.4–7.
- КОНДРАТЬЕВ, А. (1990): *Закат*. Третья книга стихов, Орандж: Антиквариат.
- КОНДРАТЬЕВ, А. (1993): *Сны*, Санкт-Петербург: Северо-Запад.
- КОНДРАТЬЕВ, А. (2001): *Боги минувших времен*, Москва: Молодая гвардия.
- КОНДРАТЬЕВ, А. (2006): *Письма А. А. Кондратьева к Б. В. Беру* (22. 8. 2006), lifeart.narod.ru/nom25/p25_3.htm
- КОНДРАТЬЕВ, А. (2012): Елена. In: *Александр Кондратьев: исследования, материалы, публикации*, вып.3, отв. ред. Е. М. Васильев, Ровно: С. Б. Нестеров, с. 243–260.
- КОРМИЛОВ, С. (2012): Античные боги как персонажи прозаических произведений А. А. Кондратьева. In: *Александр Кондратьев: исследования, материалы, публикации*, вып. 3, отв. ред. Е. М. Васильев, Ровно: С. Б. Нестеров, с. 6–24.
- ЛОТМАН, М. (2008): Становление античных размеров в русском стихе: аспекты когнитивной метрики. In: *Russian text (19th century) and antiquity / Русский текст (19 век) и античность*, Budapest-Tartu: Eötvös Loránd University. – Kroo, K.; Topor, P. (Eds.), с. 24–53.
- ОРЛИЦКИЙ, Ю. (2008): «Близнечные тексты» в стихах и прозе А. А. Кондратьева. In: *Александр Кондратьев: исследования, материалы, публикации*, отв. ред. Е. М. Васильев, Ровно: Волинські обереги, с. 14–23.
- ОРЛИЦКИЙ, Ю. (2010): Стихосложение А. Кондратьева: метрика и строфика.

Ип: Александр Кондратьев: *исследования, материалы, публикации*, вып. 2, отв. ред. Е. М. Васильев, Ровно: Гедеон-принт, 2010, с. 58–63.
ТОПОРОВ, В. (1990): *Неомифологизм в русской литературе начала XX века*. Роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни», Trento.

Профиль автора:

Васильев Евгений Михайлович

кандидат филологических наук, доцент.

Научные интересы: теория драмы, история драматургии и театра XX века, литература Серебряного века, Волынский текст в русской литературе.

докторант кафедры германской филологии и зарубежной литературы

Житомирского государственного университета им. Ивана Франко.

Украина

г. Житомир

ул. Б. Бердичевская 40

Житомирский государственный университет им. Ивана Франко

<http://www.zu.edu.ua>

emvas@mail.ru.

Iwona Burešová-Wania, Ivana Dobrotová, Pavel Bureš: Česko-polský a polsko-český slovník terminologie Evropské unie. Univerzita Palackého v Olomouci, 2014, 239 s., ISBN 978-80-7263-879-6.

Česko-polský a polsko-český slovník terminologie Evropské unie autorstwa Iwony Burešovej-Wanii, Ivany Dobrotovej i Pavla Bureša to dwujęzyczny słownik, zawierający 2200 haseł związanych ze słownictwem Unii Europejskiej oraz poszczególnych dziedzin jej działalności, np. nazwy instytucji i organów europejskich, wyrażenia i zwroty używane we wszystkich dziedzinach działania UE.

Słownik przeznaczony jest dla szerokiego grona odbiorców. Może stanowić użyteczne narzędzie nie tylko dla pracowników naukowych i tłumaczy, ale też dla studentów czy użytkowników języka polskiego i czeskiego o różnym stopniu zaaansowania językowego zainteresowanych tematyką Unii Europejskiej, np. organy samorządowe. Pomocny może być również obecnym i przyszłym beneficjentom i wnioskodawcom projektów unijnych, szczególnie tych realizowanych w obszarze transgranicza polsko-czeskiego. Sam słownik powstał na podstawie dwustronnej polsko-czeskiej współpracy z lat 2007–2013 między Uniwersytetem Palackiego w Ołomuńcu a Państwową Wyższą Szkołą Zawodową w Raciborzu. Pozycja ta wypełnia dotychczasową lukę, jaka istniała w obrębie słowników dwujęzycznych, ponieważ do tej pory terminologia unijna w tych językach tłumaczona była intuicyjnie, bez wsparcia leksykograficznego.

Autorzy zgromadzili terminy, wykorzystując między innymi ogólnie dostępną urzędową dokumentację unii, strony internetowe (np. www.funduszeuropejskie.gov.pl), dokumentację projektów unijnych z lat 2007–2013 oraz projektów aktualnie realizowanych w okresie 2014–2020 czy słownictwo obecne w systemach dokumentacji instytucji europejskich. We *Wprowadzeniu* szczegółowo wymieniono podstawowe teksty, z jakich skorzystano przy opracowywaniu słownika. Są wśród nich na przykład *Smlouva o Evropské unii (Traktat u Unii Europejskiej)* czy *Listina základních práv člověka*

(*Karta Podstawowych Praw Człowieka*). Wybrane pozycje reprezentują szerokie spektrum zagadnień z zakresu UE. W słowniku zostały ujęte także terminy prawnicze. Unijna terminologia prawnicza jest specyficzna i nie zawsze koresponduje ze *stricte* prawniczą terminologią. Dlatego w słowniku zostały wymienione terminy w znaczeniu prawa europejskiego, które nie muszą posiadać odpowiedników w terminach polskiego i czeskiego systemu prawa. Tak bogate źródła, z jakich czerpali autorzy pozycji, umożliwiły zebranie najważniejszego i powszechnego w tekstach unijnych słownictwa. Obok terminów polskich i czeskich w słowniku obecna jest także terminologia angielska obowiązująca w języku unijnym. Wyodrębniono ją w formie skrótów w nawiasach, np. *informační a telekomunikační technologie (ICT)*. Niektóre z haseł słownikowych podane są w kontekście, w jakim w dokumentacji unijnej najczęściej się pojawiają, np. *nieprawidłowość (naruszenie przepisów)*, większość jednak występuje samodzielnie w charakterystycznym dla niego stałym, zwyczajowo obecnym w dokumentach unijnych kontekście. Przy czym autorzy wybrali jako hasła nie tylko terminy jednowyrazowe, ale też i wielowyrazowe, np. *pravo svobodného přemísťovania a prebyvania, soudní spolupráce v občanskoprávních věcech*. Po analizie zawartości słownika okazuje się, że hasła wielowyrazowe stanowią większość. Jeśli chodzi o zapis nazw organizacji, komitetów itd. to terminy te, jak zaznaczają autorzy, w różnych dokumentach pojawiają się w różnym zapisie, przez co ich wariant ortograficzny jest nieustabilizowany – dotyczy to pisowni wielką i małą literą.

Odpowiedniki terminologiczne, zaczerpnięte z ogólnie wiążących dokumentów unii opracowanych w większości w języku angielskim czy francuskim, zostały zebrane z poszczególnych tekstów już po dokonanych tłumaczeniach na języki narodowe – języki czeski i polski. W związku z tym ten sam termin w różnych tekstach może pojawić się w różnych formach. Przykład takich ekwiwalentów użycia podają sami autorzy we *Wstępie* do słownika: *energia-energie, energia-energetika, energetyka-energetika*.

Słownik nie wyczerpuje istniejących terminów związanych z funkcjonowaniem i problematyką Unii Europejskiej, ponieważ język UE jest tworem żywym, rozwijającym się na oczach czytelnika o nowe zwroty, wyrażenia i terminy. Przejrzysty układ alfabetyczny haseł słownikowych pozwala na ciągle aktualizowanie i otwartość słownika.

Słownik ten to ważna publikacja uzupełniająca zarówno naukowe pozycje leksykograficzne, jak i wiedzę z zakresu terminologii unijnej. Jest to pozycja ze wszech miar potrzebna i na czasie, biorąc pod uwagę obecną sytuację polityczną Europy. Dopełnieniem słownika mógłaby stać się jego wersja multimedialna prezentująca wymowę haseł. Pozycja jest dostępna zarówno w wer-

sji papierowej, jak i w formacie pdf na stronach internetowych Czesko – polskiego centrum leksykograficzne (Česko-polské lexikografické centrum).
Strona internetowa:
http://lexikografie.polonistika.upol.cz/web/wp-content/uploads/2012/08/slovník_PL-CZ.pdf

Magdalena Kafara

Наталья Борисовна Корина: *Функциональная стилистика русского языка*. Univerzita Konštantína Filozofa v Nitře, Nitra 2014, 114 s., ISBN 978-80-558-0716-4.

Recenzovaný učební text profesorky N. B. Koriny působící na katedře rusistiky FF Univerzity Konstantina Filozofa v Nitře je dalším příspěvkem do řady materiálů inovujících výuku stylistiky v českém/slovenském rusistickém kontextu i kontextu širším (srov. Nedomová, Z.: *Функциональная стилистика русского языка*. Ostrava 2010; Kapitánová, J.: *Antologie textů ke srovnávací stylistice. Analýzy a komentáře*. Olomouc 2013; Findra, J.: *Štylistika súčasnej slovenčiny*. Martin 2013). Dokazuje tak současný přirozený zájem o studium živého jazyka v textu i kontextu komunikační situace a širších společenských změn, jakož i zájem o přirozeně eklektickou povahu stylistiky jako moderní lingvistické disciplíny.

V úvodu autorka prezentuje svoji koncepci celé práce. Snaží se v ní o komplexní syntézu stávající tradiční i nové odborné literatury v oboru a zaměřuje se na tato témata: aktuální stratifikace současné ruštiny, nové stylistické jevy (elektronická komunikace, SMS, jazyk internetu, styl náboženské komunikace – религиозно-богословский стиль) a vzory pro výuku praktické stylistiky na vysoké škole. Učebnici je tak vlastní pragmatické vyznění výkladu s plným ohledem na potřeby studentů magisterského studia (stručný, přesný výklad teorie, systematický popis funkčních stylů, v ilustrativním materiálu důraz na pragmaticky zaměřené styly – administrativní, odborný, popř. hovorový). Učebnici má podle autorčiny koncepce doplnit cvičebnice praktické ruské stylistiky.

Autorka člení svůj výklad do deseti kapitol, z nichž je první třetina věnována obecně stylistickým otázkám, vymezení pojmů a lingvistickému rámci nahlížení na ně (Объект и предмет стилистики; Основные понятия функциональной стилистики; Формы существования национального языка). Další dvě třetiny publikace pak podávají systematický výklad jednotlivých funkčních stylů se zajímavým ilustračním materiálem (Разговорный стиль; Общая характеристика книжных стилей; Научный стиль; Официально-деловой стиль; Публицистический стиль; Религиозно-богословский стиль; Язык художественной литературы).

V teoretických kapitolách autorka nabízí širší pohled na postavení stylistiky v rámci lingvistických disciplín. Stylistiku tak na rozdíl od popisných jazykovědných disciplín řadí mezi funkčně-komunikativní lingvistické disciplíny, které studují řeč (parole) v dynamickém aspektu. Ve výkladu autorka často kontrastuje ruskou stylistickou/lingvistickou tradici

se slovenskou, komentuje kulturní specifika daných prostředí a nabízí tak zajímavé teoretické i praktické postřehy.

V jedné ze stěžejních teoretických kapitol (Формы существования национального языка) autorka obecně stratifikuje národní jazyk takto: nespisovné varianty (srov. разговорно-просторечные формы), nenormativní varianty (srov. диалекты, жаргоны, арг), spisovné varianty a zdůrazňuje jiné členění národního jazyka ve slovenské lingvistické tradici. Právě míra stylistické diferenciacie národního jazyka a specifické pojetí spisovné ruštiny a slovenštiny podle ní závisí na (ne)kontinuitě kulturního a historického vývoje národa. Autorka dále podrobněji popisuje nové funkční varianty spisovné ruštiny (elektronická komunikace a nové žánry, SMS) a jejich vztah ke stávajícím funkčním stylům. Označuje je jako hybridní varianty/texty či kontaminované texty, jelikož jsou vystavěny na základě prolínání rysů mluvených a psaných žánrů, tedy na kontaminaci dříve samostatně vnímaných kategorií. Autorka uvádí jejich další charakteristiky – jedná se o epistolární žánry s formou dialogu, některé preferují ekonomii výrazu a využívají prostředky různých grafických systémů (srov. SMS jako tzv. grafohybridní text).

V kapitolách věnovaných jednotlivým funkčním stylům autorka postupuje od popisu jazykových a stylistických rysů jevu k jeho vnitřnímu členění a k podrobnému popisu prostředků daného stylu na jednotlivých jazykových rovinách (lexikologie, slovtvorba, morfologie, syntax). V případě hovorového stylu N. B. Korina zdůrazňuje v ruštině jeho těsný kontakt s nespisovnými vrstvami ruštiny, což usnadňuje migraci výrazových prostředků směrem nahoru. Autorka podrobně popisuje i vnitřní členění či gradaci hovorové řeči a terminologicky velmi přesně prezentuje jednotlivé výrazové prostředky (srov. výklad elipsy). U administrativního stylu autorka v souladu s celou koncepcí své práce uvádí vzorové texty některých žánrů s úvodním komentářem (tj. životopis, motivační dopis, žádost, doporučení, obchodní korespondence, gratulace, děkovaný dopis, kondolence). Při výkladu publicistického stylu autorka zdůrazňuje aktivní pozici autora publicistického textu (tzv. obraz autora v textu) a prezentuje vlastní zajímavý materiál na téma jazykové hry (slovtvorba, aluze v titulcích, aktualizace frazeologismů aj.). Při vymezení stylu náboženské komunikace autorka podtrhuje u pravoslaví archaičnost při nakládání s jazykem a rozdíl mezi katolictvím a protestanstvím popisuje jako posun od konzervativismu k demokratičnosti v jazyce.

Celá publikace je vystavěna na systematickém, didakticky propracovaném výkladu teorie a následné prezentaci praktického materiálu. Za její hlavní přínos považují právě skloubení ucelené teorie a zajímavého aktuálního materiálu, autorčin upřímný zájem a snahu o postižení nových tendencí ve

vývoji stylistických jevů (např. výklad o tzv. hybridních textech, specifika stylu náboženské komunikace aj.). Za jisté opomenutí pak považuji podle mého názoru nedostatečné vymezení některých pojmů (např. funkční varianty a funkční styl; nespisovné varianty a nenormativní varianty jazyka) či vymezení samostatného stylu náboženské komunikace bez označení jeho funkce. Učební text profesorky N. B. Koriny nabízí teoreticky solidní a zároveň čtivý a inspirativní materiál pro všechny zájemce o stylistiku současné ruštiny.

Jindřiška Kapitánová

Daniela Mügllová: *Komunikace, tlumočení, překlad aneb Proč spadla Babylonská věž?* Enigma, Nitra 2013, 324 s., ISBN 978-80-8133-025-4.

Monografie s názvem *Komunikace, tlumočení, překlad aneb Proč spadla Babylonská věž?* je počinem slovenské rusistky, germanistky a translatožky Daniely Mügllové, profesorky katedry translologie Filozofické fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitře. V českém překladu Vítězslava Vilímka ji vydalo nakladatelství Enigma.

Knih napomáhá lépe pochopit mezijazykovou komunikaci a různé vidění světa, které se projevuje v jazyce, a odpovídá na otázky jako: Jaké funkce má jazyk?, Proč si lidé občas nerozumí (přestože hovoří stejným jazykem)? nebo Čím se vyznačuje skutečný překladatel či tlumočník? Tematicky ji lze rozdělit na tři části: jednu obecnou – *Komunikace* – a dvě specifické – *Tlumočení* a *Překlad*. Publikaci tvoří celkem šest kapitol.

V první, teoreticky zaměřené kapitole se autorka zabývá oblastí teorie komunikace. Detailně se zaměřuje na průběh komunikační situace a její jednotlivé roviny a složky, v rámci řečové i tematické roviny komunikace pak uvádí jazykové i nejazykové prostředky, které pomáhají při pochopení smyslu výpovědi. Autorka dále popisuje jazyk jako sémiotický systém, jehož stavebním kamenem je jazykový znak, a charakterizuje jak vztah mezi jazykovými znaky navzájem, tak vztahy mezi znakem a přirozeným objektem a mezi znakem a jeho uživateli.

Velký prostor je v úvodní kapitole věnován nejazykové komunikaci, tedy prostředkům paraverbálního dorozumívání (témbr hlasu, tempo řeči, intonace apod.) a somatickému jazyku neboli řeči těla, ke které se řadí mimika, gestika, haptika, proxemika, kolorika aj. Čtenářům jsou zde na četných příkladech demonstrovány významy jednotlivých výrazových prostředků užívaných v rámci nejazykové komunikace. K zamyšlení vede podkapitola s názvem *Recepční procesy aneb Proč si (ne)rozumíme*, kde autorka objasňuje příčiny komunikačních selhání.

V závěru první kapitoly autorka vyvrací mýty spojené s prací překladatele či tlumočníka (v knize jsou označováni souhrnným termínem „translátor“). Zdůrazňuje především to, že translátor není každý, kdo ovládá cizí jazyk a má slovník, ale že skutečný odborník musí znát metodologii a metodiku své práce, mít k dispozici nástroje na její vykonávání a v neposlední řadě musí disponovat patřičnými schopnostmi, znalostmi a dovednostmi. Upozorňuje také na existenci okruhů lidí, kteří do translační činnosti neprofesionálně zasahují: označuje je jako laiky s dobrým úmyslem, „rádobyodborníky“ bez

sebereflexe a experty z příbuzných i vzdálených oborů, kteří translatologii nikdy nestudovali.

Druhá, nejobsáhlejší kapitola knihy začíná exkursem do dějin tlumočení a překladu od počátků až po současnost. Následuje část věnovaná shodným rysům tlumočení a překladu a také rozdílům mezi oběma odvětvími, které autorka shrnuje do přehledné tabulky na základě různých kritérií.

Výrazně větší prostor je dále poskytován tlumočení, o kterém, jak sama autorka uvádí, máme ve srovnání s překladem nepoměrně méně odborné literatury. Dočteme se zde praktické rady týkající se tzv. translační objednávky: jaké informace by si měl tlumočnický zjišťovat při převzetí objednávky na tlumočení, jakými fázemi tlumočnický během své práce prochází, jaká jsou úskalí jeho práce apod. Za důležitou považuje autorka zejména přípravnou fázi, ve které si však tlumočnický může vytvořit pouze rámcovou představu o tom, co ho čeká, jelikož samotný text určený k tlumočení se vytváří až bezprostředně v komunikační situaci pod vlivem všech faktorů, které ji tvoří. Ve výkladu je kladen důraz na to, že tlumočnický musí být nejen bilingvní, ale i bikulturní. V kapitole je dále věnována pozornost základním technikám tlumočení (tj. simultánnímu a konsekutivnímu tlumočení) a jejich fázím, mechanismu činnosti lidského mozku a fungování paměti, mentálními operacemi, které tlumočnický provádí při transferu textu apod. Zejména začínající tlumočnický ocení zásady pro organizaci tlumočnického zápisu a popis znaků a symbolů, které jsou při tvorbě zápisu nejčastěji používány.

Autor třetí kapitoly s názvem *Překladatelská analýza*, germanista Michal Dvorecký, vychází ve svém výkladu z vlastních překladatelských zkušeností a upozorňuje, že neexistuje univerzální návod, jak analyzovat výchozí text, ale pouze nezávazná doporučení, jak by měl překladatel postupovat a jaké otázky by si měl klást. Dvorecký klade důraz na znalost textových žánrů a textových konvencí, které se v jednotlivých jazycích mohou lišit, a vyzdvihuje také rešerši, tedy práci se slovníky, glosáři a dalšími texty, jako nezbytnou součást překladatelské práce.

Kapitola Daniely Mügllové s příhodným podtitulem *Tři oříšky pro překladatele*, ve které autorka charakterizuje takové obrazné výrazové prostředky, jako je metafora, slovní hříčka nebo frazeologismus, poukazuje na problémy a úskalí, se kterými se překladatel při jejich transferu může setkat, a vše ilustruje na četných příkladech překladů z němčiny, angličtiny, ruštiny a francouzštiny.

Následuje stručná kapitola Michala Dvoreckého s názvem *Lexikografie aneb Lásky na druhý pohled*, ve které autor odpovídá na otázky, proč vůbec překladatel potřebuje znát lexikografii, jak může znalost lexikografie pomoci při překladu nebo tlumočení, jaké jsou typy slovníků a jakou strukturou se vyznačují.

Závěrečná kapitola knihy nazvaná *Použití počítačů při překládání aneb Technika v akci*, jejímž autorem je Michal Mačura, je věnována novým technologiím, které si translatoologie v posledních letech osvojila a které mají v moderním překladu nezastupitelnou roli. Čtenáři se mohou seznámit s historií vývoje počítačem podporovaného překladu a s počítačovými programy a nástroji, které jsou v současnosti při překladu nejčastěji využívány.

Monografie Daniely Müglové se vyznačuje vysoce odborným stylem, ale zároveň je psaná přístupným, srozumitelným jazykem a je bohatá na příklady z překladatelské a tlumočnické praxe autorů, a není tedy odtržena od reality skutečné práce překladatelů a tlumočnicků, ale naopak ji čtenářům přibližuje.

Jednotlivé kapitoly knihy doplňují seznamy rozšiřující literatury určené „pro ty, kdo se nespokojí s málem“. Zejména pro začínající tlumočnický a překladatelský může být užitečné souhrnné *Tlumočnické desatero a Překladatelské desatero* zakončující kapitolu věnovanou tlumočení, resp. překladu. Celou knihu uzavírá seznam použité literatury.

Publikace je vhodná jak pro studenty připravující se na povolání překladatele nebo tlumočnicka, kterým umožní vytvořit si představu o tom, co bude jejich profese obnášet a jaká úskalí při jejím vykonávání budou muset zvládat, tak i pro jejich vyučující. Stejně tak dobře může posloužit již zkušeným odborníkům, kteří v ní jistě najdou novou inspiraci a podněty k zamyšlení.

Jaroslava Janečková

VI. Světový kongres polonistů s názvem Polonistika na prahu XX. století. Diagnózy. Koncepce. Perspektivy

Ve dnech od 22. do 25. června 2016 se konal v polských Katovicích VI. Světový kongres polonistů s názvem **Polonistika na prahu XX. století. Diagnózy. Koncepce. Perspektivy**. Hlavními organizátory kongresu byla Slezská univerzita v Katovicích, Mezinárodní sdružení polonistických studií, Sdružení přátel Školy polského jazyka a kultury Slezské univerzity, spoluorganizátorem pak Polská akademie věd. Čestnou záštitu nad kongresem převzal prezident Polské republiky Andrzej Duda.

Kongres navázal již na několikaletou tradici pravidelných cyklických setkání zahraničních i domácích polonistů, která se v minulosti konala pod názvem Kongres zahraniční polonistiky. První kongres se konal v roce 1998 ve Varšavě, předposlední pak v roce 2012 v Opolí. Následující, tedy VII. kongres, se bude konat v roce 2020 ve Vratislavi.

VI. Světový kongres polonistů navázal svou koncepcí na myšlenku předcházejících kongresů („polonistika bez hranic“, „polonistika a výzvy současnosti“ aj.). Celosvětové setkání polonistů probíhalo formou konferenčních vystoupení (referáty byly prezentovány na plenárních zasedáních i v sekcích), nechyběla ani sekce posterová. Konferenční příspěvky se týkaly témat, která byla navržena programovým komitétém kongresu již v roce 2015, např. směry polonistického bádání, polonistická bádání v kontextu výzev počátku XXI. století, otázky integrace a globalizace, polonistická edukace v Polsku i v zahraničí aj. Kongresu se zúčastnilo na 300 předních domácích i zahraničních polonistů (kromě evropských také zástupci polonistik z celého světa, např. z Koreje, Japonska, Číny, USA, Austrálie, Indonésie, Brazílie aj.), významných badatelů polského jazyka a kultury. Součástí kongresu bylo také udělení doktorátu *honoris causa* Slezské univerzity v Katovicích francouzské polonistce polského původu prof. Marii Delaperrière, významné literární komparatistce a znalkyni polské kultury, která na francouzských univerzitních polonistických pracovištích popularizuje mimo jiné polskou vědu a kulturu.

Letošního kongresu se již tradičně zúčastnili všichni členové sekce polské filologie katedry slavistiky FF UP Olomouc. Michal Hanczakowski vystoupil s příspěvkem s názvem „*Problém migrantů v polsko-českých kontaktech v minulosti*“, Jan Jeništa přednesl referát „*135 let českého Sienkiewicze*“ a Ivana Dobrotová prezentovala příspěvek „*Obraz Polska v českém mediálním diskurzu*“.

Ivana Dobrotová vystoupila také v posterové sekci, kde představila olomouckou polonistiku. Zde také vystoupili autoři internetového vzdělávacího portálu POLFon, který vznikl v rámci projektu IGA na polonistice v Olomouci, Marcin Wągiel a Jakub Bortlik.

Kongres se stal skvělou příležitostí prezentovat na mezinárodním fóru jak olomouckou polonistiku, potažmo Univerzitu Palackého v Olomouci, tak i výsledky bádání jejích jednotlivých členů. Byla to také jedinečná příležitost setkat se s mnoha celosvětově uznávanými odborníky, podělit se o své zkušenosti a naopak mnohé jiné získat. Přednesené příspěvky budou, jako vždy, publikovány v prestižní publikaci v roce 2017.

Ivana Dobrotová

VIII. Sympozium ukrajínistů

Katedra slavistiky hostila na konci srpna tohoto roku 36 vědců z Ukrajiny, Ruska, Rakouska a České republiky. Na VIII. Sympoziu ukrajínistů střední a východní Evropy se ve dnech 25. – 26. 8. 2016 sešli filologové, pedagogové, historici i kulturologové, aby představili své příspěvky z aktuální problematiky v ukrajinské jazykovědě, kultuře a literatuře, ale také v didaktice a pedagogice.

První sekce s názvem *Jazykověda, kulturologie, lingvokultura* se zabývala například sociolingvistickým popisem současné mluvy mládeže, popkultúrou a její analýzou nebo také korpusovou lingvistikou a jejími možnostmi pro analýzu aktuální jazykové situace na Ukrajině.

Druhá sekce s názvem *Text, diskurz, teorie jazykové komunikace* se zaměřila na charakteristické rysy jazykového projevu Kyjevanů, na jazyk ukrajinské reklamy a masmédií, ale zkoumala také například kreativní komolení příjmení ukrajinských politiků v kontextu současné ukrajinsko-ruské krize.

Zvláštní sekce byla věnována *literární vědě a folkloristice*, zejména střetům reality a ireality v románu 21. století, ukrajinskému neorealismu, principům utváření charakteru v současném ukrajinském politickém románu nebo například expresivnímu vyjadřování a problematice jeho překladu.

Poslední sekce nesla podtitul *Lingvistická didaktika a formování pedagogické kultury*. Řada příspěvků se týkala problematiky výuky ukrajinštiny a ruštiny jako cizího jazyka, hledání ideální výukové metody a volby správného portfolia. Ohlas vzbudily příspěvky věnující se inovativním, netradičním zdrojům výuky.

Součástí programu byl kulatý stůl, u něž se sešli odborníci z oblasti lingvistiky i literární vědy. Jeho hlavním tématem byly *žánrovo-stylové a lingvistické metamorfózy v ukrajinském jazyce a literatuře 20. a 21. století*. Jim je věnována stejnojmenná kolektivní monografie, která vyšla krátce před zahájením sympozia.

Na plenárním zasedání vystoupil prof. Zdeněk Pechal, prezident Mezinárodní asociace ukrajínistů prof. Michael Moser z Vídně a prof. Alla Arkhanhelská z katedry slavistiky Univerzity Palackého v Olomouci. Zasedání se zabývalo zejména podporou renesance ukrajinštiny v kontextu politické a společenské situace.

Výstupem konference je sborník vědeckých prací *Ucrainica VII*. Další sympozium je plánováno na srpen 2018.

Radana Merzová

Mezinárodní vědecká konference „Tradice českých / československých bádání o dějinách a kultuře východní Evropy“

Na počátku září 2015 došlo při Historickém ústavu Akademie věd České republiky k utvoření nového specializovaného pracoviště – Výzkumného centra dějin východní Evropy, jež se zaměřuje na badatelské otázky dějin prostoru geopoliticky a kulturně vymezeného Ruskou federací, Ukrajinou, Běloruskem a Pobaltím (obecněji států někdejšího SSSR s převahou slovanského etnika s případným územním přesahem).

Ve středu 14. září 2016, tedy po roce své existence, uspořádalo centrum společně s Národní knihovnou ČR – Slovanskou knihovnou mezinárodní odbornou konferenci reflektující dosavadní česká, respektive československá bádání o dějinách a kultuře východní Evropy. Na jednodenním pracovním setkání, odehrávajícím se v reprezentativních prostorách pražského Klementina, zazněly příspěvky především z řad historiků, frekventovány však byly rovněž otázky badatelského či institucionálního vývoje českých a československých rusistů-filologů. Takto zaměřenou odbornou konferenci věnovali organizátoři památce nedávno zesnulého českého historika doc. PhDr. Václava Vebera, CSc. (* 31. srpna 1931 – † 24. května 2016), jenž původně přislíbil účast na jednání, ale osud mu tak již nedopřál.

Úvodem konferenčního jednání pronesla několik slov ředitelka Historického ústavu AV ČR prof. PhDr. Eva Semotanová, DrSc., (Praha), na niž v obdobném duchu navázal ředitel Slovanské knihovny PhDr. Lukáš Babka (Praha). Konferenční program byl dále rozvržen do čtyř následujících přednáškových panelů, ke škodě věci bohužel na místo jednání nedorazilo několik referujících, především ze zahraničí.

První panel přednášek krátce uvedl doc. PhDr. Radomír Vlček, CSc., (Brno) s připomenutím životních mezníků dvou českých badatelů zaměřujících se na dějiny východní Evropy. Doc. Vlček zdůraznil význam díla zesnulého doc. Václava Vebera, několik vřelých slov věnoval též přítomnému prof. PhDr. Michalu Reimanovi, DrSc., jenž v předchozím roce oslavil 85. narozeniny. Dále již navázaly tematicky zaměřené příspěvky. Doc. PhDr. Ľubica Harbuľová, CSc., (Prešov) podala přehled výzkumu východoevropských dějin ve slovenské historiografii mezi lety 1990 až 2015, PhDr. Emil Voráček, DrSc., (Praha) hovořil o československých badatelských tradicích po roce 1945. Slova se poté ujal doc. Vlček, který ve stručnosti představil základní teze přednášky prof. Galiny V. Rokiny, dr.i.n., (Joškar-Ola, Ruská federace), jež bohužel nemohla přijet na konferenci osobně. Její příspěvek se dotýkal slovensko-ruských vztahů 19. století a jeho reflexe ve slovenské historiografii po roce 2000.

Na počátku druhého přednáškového panelu se slova ujal opět doc. Radomír Vlček, jenž nastínil české badatelské tradice o dějinách carského Ruska. PhDr. Miluša Bubeníková, Ph.D., (Praha) vzápětí upozornila na význam akademického časopisu „Československá rusistika“ a v reakci na nedávno uveřejněnou kritiku časopisu se pokusila objasnit, že na stránkách tohoto periodika bylo otištěno i v období tzv. normalizace četné množství odborně kvalitních textů. Časový prostor dále náležel Mgr. Lence Vlčkové Kryčerové (Brno), která se ovšem z konferenčního jednání omluvila. Problematiku brněnské pobočky Slovanského ústavu ČSAV – poněkud neznámé kapitoly z dějin oboru – proto stručně v zastoupení nastínil doc. Vlček.

Po krátké přestávce byl započat třetí konferenční blok. Mgr. Josef Šaur, Ph.D., (Brno) prezentoval syntetická a encyklopedická zpracování dějin ruské literatury v českém (resp. československém) prostředí po roce 1945. Prof. PhDr. Jaroslav Vaculík, CSc., (Brno) dále představil zájem českých badatelů o krajany v Rusku a na Ukrajině, reflektující rovněž vlastní publikační činnost. Dvojice doc. PhDr. František Stellner, Ph.D., a Mgr. Radek Soběhart, Ph.D., (oba Praha) nastínila metodologické vlivy německé historiografie na české bádání o východní Evropě po roce 1989.

Závěrečný čtvrtý blok přednášek byl z hlediska tematického zřejmě nejpestřejší. Mgr. Hanuš Nykl, Ph.D., (Praha) hovořil o výzkumu ruské filosofie v českém a slovenském prostředí po roce 1990, Dmitrij Vladimirovič Karnaučov, dr.i.n., (Novosibirsk, Ruská federace) pak v ruštině proslovil přednášku o novodobé recepci polských renesančních pohledů na dějiny východoevropských zemí. Prof. PhDr. Jan Holzer, Ph.D., (Brno) se ve svém příspěvku věnoval tématům současné české historické rusistiky na příkladu projektu „Rusko v kategoriích přítel vs. nepřítel: česká reflexe“, realizovaném na půdě Masarykovy univerzity v Brně. Závěr byl tradičně věnován plodné diskusi přítomných aktivních i pasivních účastníků.

Konference by měla přinést užitečné publikační plody. Doc. Vlček v průběhu jednání poznamenal, že základním výstupem z odborného setkání bude zvláštní číslo Slovanského přehledu – Slovanských historických studií ročníku 2017. V něm budou otištěny jak studie vycházející z přednesených referátů, tak ostatní podnětné příspěvky, jež v rámci programu nezazněly. Redakční uzávěrka pro přijímání rukopisů byla stanovena na závěr roku 2016. Avizovaná publikace nepochybně v mnoha směrech doplní a rozšíří předchozí reflexi dějin oboru ve sborníku „Ruské a sovětské dějiny v české poválečné historiografii“, který vyšel již před dvěma desetiletími.

Lukáš F. Peluněk

Východoevropské vzdělávací a kulturní centrum, o.p.s.

V časopise jsou publikovány původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou (od r. 2008 tvoří původní stati 80 % obsahu čísla) a další materiály (recenze, zprávy, kronika) z oblasti jazykovědné a literárněvědné rusistiky a dalších slovanských filologií. Příspěvky lze publikovat ve všech slovanských jazycích a v angličtině. Příspěvky jsou opatřeny anglickým abstraktem. V r. 2008 byla ustavena redakční rada a všechny příspěvky důsledně procházejí nezávislým, anonymním recenzním řízením.

Jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, v tomto smyslu se podepisuje s autorem příspěvku přijatého k publikaci licenční smlouva vypracovaná právním oddělením UP v Olomouci. Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením (dva nezávislí posuzovatelé, z nichž ani jeden není členem redakce či pracovníkem stejného pracoviště jako autor či spoluautor).

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce ledna a června příslušného roku.

Pokyny pro autory

Texty příspěvků zasílejte na e-mail:

jindriska.kapitanova@upol.cz (studia linguistica),

jitka.komendova@upol.cz (studia litteraria).

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo docx (např. novak.docx, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku

Jméno autora bez titulů v pořadí: jméno, (jméno po otci), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu min. 500 až 700 znaků s mezerami včetně

názvu stati v angličtině. Uvádí se za slovem Abstract.

Klíčová slova v angličtině: 10–15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words.

Text příspěvku: základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, odstavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat. Mezititulky neoddělovat mezerami.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt. Doporučený minimální rozsah 27 000 znaků včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktu, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury). Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Citace se uvádějí uvozovkami specifickými pro každý jazyk. Odkazy na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu.

Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Knih, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera Slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Elektronické zdroje:

КОЛЯДА, Н. (2010): Старосветские помещики (6. 9. 2010), kolyada.ur.ru/starosvet.

Informace o autorovi:

Jméno včetně titulů.

Stručný vědecký profil.

Adresa pracoviště.

Internetová stránka pracoviště.

E-mail autora.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou publikovány.

Требования к оформлению статей

Общие требования

Для публикации в журнале принимаются статьи филологического, т.е. языковедческого, фразеологического, литературоведческого, переводческого содержания на всех славянских языках и английском языке, рецензии, информация о научных конференциях. Материалы публикуются бесплатно.

Принимаются только материалы, которые до сих пор не были опубликованы в другом журнале – в этом смысле с авторами статей заключается и подписывается соглашение о предоставлении редакции права публиковать данные материалы.

Предоставленные в редакцию статьи должны отвечать указанным ниже требованиям. В случае несоответствия материалов требованиям последние возвращаются авторам для переработки.

Все статьи подвергаются независимому, объективному, анонимному рецензированию.

Материалы в редакцию можно предоставлять в течение всего года. Первый номер выходит обычно в первой половине года, второй к концу того же года.

Авторы статей, рецензий, информации о конференциях, хроник несут персональную ответственность за языковую и грамматическую точность текста. Отклоненные рецензентами тексты к публикации не допускаются.

Тексты для публикации высылать по эл. почте: jindriska.kapitanova@upol.cz (studia linguistica), jitka.komendova@upol.cz (studia litteraria).

Требования к оформлению статей, материалов

Файл должен быть назван по фамилии автора только латинскими буквами с расширением doc. или docx. (например, *novak.doc* или *novak.docx*).

Структура статьи

Имя, (отчество) и фамилия автора

Название страны и города

Название статьи на языке статьи

Резюме на английском языке, включая переведенное на английский язык название статьи. Резюме приводится после слова Abstract. Объем резюме ок. 500–700 знаков.

Ключевые слова (10–15 слов под рубрикой Key Words).

Основной текст статьи печатается 12 кеглем в Times New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все поля – 2,5 мм. Абзац обозначать только с помощью клавиши Enter, переносов не делать, страницы не нумеровать.

Редактор: Word for Windows.

Рекомендуемый минимальный объем текста 27 000 знаков (включая интервалы, текст, резюме и список использованной литературы).

Ключевые слова и слова-примеры, предложения-примеры выделять курсивом, в случае необходимости – жирным.

Цитаты выделять кавычками, не используя курсив (образец: «Цитата», „Citace“, “Citation”).

Ссылки в тексте оформляются квадратными скобками, где приводится фамилия автора, год издания и страница по образцу: [Бархударов 1975: 190–213].

Сноски просьба использовать только для примечаний, ссылки на использованную литературу оформлять так, как указано выше.

Подчеркивания не допускаются.

Список использованной литературы приводится в конце статьи под рубрикой *Использованная литература*.

Книга:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Статья в журнале:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera Slavica* XVI, 2006, č. 4, s. 11–26.

Статья в сборнике:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Электронные источники:

КОЛЯДА, Н. (2010): Старосветские помещики (6. 9. 2010), kolyada.ur.ru/starosvet.

Профиль автора:

Ф.И.О., включая ученую степень, звание

Краткое представление научных интересов автора

Полный адрес университета (места работы)

Веб-сайт организации

Электронная почта автора